

НИКА МУР Проклятие свекрови. За час до развода.

ПОПАДАЮЩИЕ

НИКА МУР

Проклятие свекрови.
ЗА ЧАС ДО РАЗВОДА.

:попаданцы

Ника Мур

**Проклятие свекрови.
За час до развода.**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Проклятие свекрови. За час до развода. / Н. Мур — «Литнет», 2026

Двадцать пять лет брака, выращенный сын и статус «идеальной невестки» рассыпались в прах за одно утро. Муж ушел к молодой секретарше, а деспотичная свекровь напоследок бросила мне в лицо проклятие: «Чтоб ты сдохла, Юлька!». Судьба иронична: мы погибли в одной аварии, но смерть стала лишь началом. Теперь я — Оливия, юная маркиза в суровом средневековом мире. У меня тело двадцатипятилетней красавицы, двое запуганных малюток-близнецов и муж, который меня презирает. А еще — репутация пустой и капризной куклы. Но я — педагог с двадцатилетним стажем. Я умею усмирять хулиганов, выстраивать дисциплину и находить общий язык даже с монстрами. Я наведу порядок в этом замке, отопрею сердца детей и заставлю мужа посмотреть на меня совсем другими глазами. А что же свекровь? Ульяна Мироновна тоже здесь. Оборванная нищенка, она приползла к моим воротам просить милостыню. Роли поменялись, «мама». Теперь я — ваша госпожа. И ваш курс «педагогики смирения» только начинается! В книге вас ждут: ✓ Мудрая и сильная героиня: 45 лет жизненного опыта в молодом теле — это страшная сила! ✓ От ненависти до любви: суровый муж-маркиз, который не понимает, почему его «глупая» жена вдруг стала самой желанной женщиной в королевстве. ✓ Бытовое фэнтези: наводим порядок в запущенном замке и внедряем земные методики воспитания (и не только). ✓ Справедливое возмездие: свекровь в роли прислуги — месть, поданная холодной. ✓ Обаятельные дети: превращаем «маленьких дикарей» в настоящих леди. ✓ Хэппи-энд: любовь, уважение и полное торжество справедливости!

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11(Герберт)	70
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

«Говорят, что жизнь человека можно измерить годами, но мою правильнее было бы мерить количеством проглоченных обид и невысказанных слов. Я никогда не думала, что мой персональный «конец света» будет пахнуть пылью и дешевым упаковочным скотчем, но именно так выглядел финал моей долгой семейной осады.

Жить с Ульяной Мироновной было всё равно что пытаться дышать в комнате, где кто-то постоянно выкачивает кислород. Двадцать пять лет я была не хозяйкой в собственном доме, а вечным стажером на испытательном сроке. Свекровь не просто жила с нами — она оккупировала наше пространство, методично и профессионально, как и полагалось бывшему чиновнику крупного калибра. «Юлечка, суп пересолен, ты же знаешь, что Валерке вредно», «Юлия, почему Артем в помятой рубашке? Учительница, а за сыном не следишь», «Юля, не спорь, я лучше знаю, как распорядиться вашими деньгами». Её голос, сухой и безапелляционный, пропитал стены нашей квартиры, кажется, даже глубже, чем запах её тяжелых лекарств. Она умела унижать изысканно, с вежливой улыбкой на губах, превращая мою жизнь в бесконечную работу над ошибками, которые сама же и придумывала. И самым страшным было то, что за четверть века она не просто лишила меня права голоса — она убедила моего мужа и сына, что я — лишь досадное приложение к их блестящему семейству.

Картонные коробки, заклеенные дешевым коричневым скотчем, выглядели в интерьере

нашей квартиры как надгробные памятники моему двадцатипятилетнему браку. Я

провела ладонью по корешкам книг на полке. «Сравнительное языкознание»,

«Психология развития», «Методика преподавания иностранных языков»... Мой

верный багаж, моя броня.

— Юля, ты скоро? — голос Валерия донесся из коридора. Глухой, невыразительный,

словно он сам стеснялся того, что происходит.

Я не ответила. Достала из стопки фотографию в простой деревянной рамке. Мы с

Валерой на море, молодые, смеющиеся, и наш сын Артем — тогда еще маленький,

с испачканным мороженым лицом. Я долго смотрела на этот снимок, пытаюсь

нащупать внутри хоть каплю той нежности, но там была лишь выжженная

земля.

Артем уехал к отцу и «бабушке» еще два дня назад. Мой сын, мой лучший ученик, в

которого я вложила всю душу, просто отвел глаза, когда я спросила, почему он

забирает вещи. «Мам, ты пойми, у отца связи. Ульяна Мироновна обещала

устроить меня в министерство после диплома. А у тебя что? Репетиторство

и школьные тетрадки?»

Это был самый болезненный урок в моей жизни. Я сама научила его мыслить логически, взвешивать перспективы. И он взвесил. Мать оказалась слишком легким грузом на чаше весов.

Я оставила фото на полке — пусть забирает вместе со стенами. Сложив последнюю коробку с методичками, я вышла в прихожую. Валерий стоял у двери, теребя ключи от машины. Он не смотрел на меня. Его взгляд блуждал по потолку, по плинтусам — куда угодно, лишь бы не сталкиваться с моим спокойствием.

— Мама уже в машине. Нервничает, — буркнул он.

— Твоя мама нервничает последние тридцать лет, Валера. Это её естественное состояние, — я подхватила сумку и шагнула за порог, даже не обернувшись.

На улице сеяла мелкая, противная изморось. Середина октября, серое небо, сливающееся с серым асфальтом — идеальная декорация для развода. Черный седан Валерия ждал у подъезда, работая на холостых оборотах. Сквозь тонированное стекло заднего сиденья угадывался монументальный силуэт Ульяны Мироновны.

Стоило мне сесть в салон, как в нос ударил густой, удушливый запах «Красной Москвы». Свекровь никогда не меняла привычек. Даже став «большим человеком» в городском управлении образования, она пахла так, словно все еще сидела в кабинете районного комитета партии тридцать лет назад.

— Долго, Юлия. Слишком долго, — проскрипела она, даже не повернув головы в мою сторону. — Мы опаздываем в суд. Судья — человек занятой, серьезный, он не обязан ждать, пока ты выплачешься над своими тряпками.

— Я не плакала, Ульяна Мироновна. Я проверяла, не забыла ли я чего-нибудь важного. Оказалось — нет, всё важное я потеряла гораздо раньше, — сказала я, держа голос ровно. Мой «педагогический» тон всегда её бесил.

Валерий тронул машину с места. Мы выехали на проспект. В салоне было так тесно от напряжения, что казалось, если кто-то чиркнет спичкой, всё взлетит на воздух.

— К вопросу о важном, — свекровь наконец соизволила посмотреть на меня. Её глаза

за стеклами очков в тяжелой оправе казались маленькими, колючими бусинками. — Мы обсудили с Валерием... Ты должна написать отказ от своей доли в квартире сегодня

же. Сразу после суда.

Я усмехнулась, глядя в окно на пролетающие мимо голые деревья. — С чего бы это?

По закону это совместно нажитое имущество.

— По совести! — Ульяна Мироновна ударила ладонью по колену. — Мой сын вкладывал

в эту семью карьеру, статус. А ты? Училка. Репетитор по объявлению. Артему

нужно жилье, ему нужно приводить будущую жену в достойный дом. Не в

конуру, которую ты себе снимешь. Артем — наш продолжатель. Ему нужнее.

— Артем сделал свой выбор, — я перевела взгляд на затылок мужа. — Валера, ты

тоже считаешь, что я должна уйти на улицу с одной коробкой книг?

Валерий дернул плечом, сильнее вцепившись в руль. — Юль, ну правда... мама права.

Мы же всё для сына. Я же не для себя. Лиле тоже нужно где-то... — он осекся.

— Лиле? — я приподняла бровь. — Ах да, Лиля. Та самая секретарша, которая младше

нашего сына на два года. Прекрасный выбор, Валера. Надеюсь, она оценит твоё

благородство за мой счет.

— Замолчи! — взвизгнула Ульяна Мироновна. Её лицо пошло красными пятнами. — Ты

всегда была такой. Высокомерная, со своим правильным говором, с этими своими

книжками! Думала, если языки знаешь, то выше нас? Да ты — ноль! Приживалка!

Если бы не мой сын, гнила бы в своей провинции. Ты у меня по миру пойдешь,

слышишь? Я всё сделаю, чтобы у тебя ни одной ученицы не осталось. Я тебя из

города выживу!

Машина вылетела на загородное шоссе — Валерий решил срезать путь до суда через

объездную. Дождь усилился, дворники с надрывным звуком метались по лобовому

стеклу.

— Валера, помедленнее, — тихо сказала я. Дорога была скользкой, а скорость

перевалила за сто.

— Не указывай ему! — свекровь перегнулась вперед, едва не касаясь моего плеча.

Её ненависть была почти осязаемой, она заполнила всё пространство автомобиля.

— Ты больше никто в этой семье! Пустое место! Ошибка молодости!

— Выпейте успокоительное, Ульяна Мироновна. У вас давление, — я старалась не

смотреть на неё.

— Чтоб ты сдохла! — вдруг выплонула она мне в затылок. Слова были полны такой

яростной, первобытной силы, что у меня по спине пробежал холод. — Слышишь?

Чтоб ты прямо сейчас сдохла, Юлька! Ненавижу! Проклинаю тот день, когда он

тебя в дом привел!

Я хотела ответить что-то ироничное, закрыться привычным щитом вежливости, но в

этот момент Валерий резко крутанул руль. На встречную полосу, сверкая

ослепительными огнями фар, вылетел тяжелый фургон.

Визг тормозов разрезал воздух. Машину закрутило. Я увидела в боковое стекло, как

на нас несется серая стена металла. Время растянулось, превратившись в вязкий

кисель. Я видела перекошенное от ужаса лицо Валерия. Слышала последний,

торжествующий и одновременно испуганный вопль свекрови.

Удар. Скрежет рвущегося железа. Громкий звон, будто кто-то разбил миллион

хрустальных бокалов одновременно.

Боли не было. Было странное ощущение невесомости, словно меня вытолкнуло из

тесной, давящей оболочки. Темнота поглотила всё: серый дождь, запах духов,

крики. А потом наступила тишина. Абсолютная, прозрачная.

— ...матушка? Пожалуйста...

Голос был тонким, как натянутая нить. Он пробивался сквозь ватное марево в моей голове.

Я попыталась открыть глаза. Первое, что я почувствовала — одуряющий запах жасмина и чего-то сладкого, приторного, похожего на лавандовое масло. Слишком сильный запах для больницы. В реанимации должно пахнуть кварцем и спиртом.

«Значит, я в коме, — отстраненно подумала я. — Мозг выдает защитную реакцию. Моделирует яркие образы, чтобы не сойти с ума от шока».

Я приоткрыла веки. Свет не был неоновым, он был мягким, колеблющимся. Надо мной расстилался высокий сводчатый потолок, расписанный золотыми звездами. Тяжелая люстра с настоящими свечами медленно покачивалась, отбрасывая причудливые тени.

«Красивая галлюцинация, — отметила моя рациональная часть. — Наверное, сказалось то, что я вчера допоздна читала исторический роман. Подсознание подсунуло готовую картинку».

Я попыталась пошевелить рукой. Тело отозвалось странной легкостью. Никаких гипсов, никаких капельниц. Я приподняла кисть и замерла. Это была не моя рука. Слишком узкая ладонь, слишком длинные пальцы, безупречно ровная кожа без единой морщинки или следа от ручки на среднем пальце. На безымянном пальце сверкало кольцо с огромным изумрудом.

— Галлюцинация с высокой детализацией, — прошептала я. Голос был чужим — высоким, певучим, с капризными нотками.

— Матушка, не сердитесь... Мы только хотели посмотреть, спите ли вы...

Я с трудом повернула голову. У края огромной кровати, вцепившись в тяжелую бархатную портьеру, стояли две маленькие девочки. Совершенно одинаковые: огромные карие глаза, спутанные светлые кудри, бледные личики. На них были длинные ночные сорочки с кружевами.

Девочки смотрели на меня с таким первобытным ужасом, что у меня перехватило дыхание.

«Если это бред, то почему он такой... неприятный? — я нахмурилась. — Откуда в моем сознании взялись эти напуганные дети? Педагогический перекося? Проекция моих переживаний за Артема?»

— Идите ко мне, — позвала я их.

Девочки синхронно втянули головы в плечи и попятились к двери.

— Мы уйдем! Мы уже уходим! — зашептала одна из них. — Простите, матушка! Мы больше не будем шуметь, только не запирайте нас!

Они выскочили из комнаты прежде, чем я успела что-то сказать. Дверь захлопнулась.

Я осталась одна. Голова кружилась. Я села на кровати, чувствуя, как под пальцами шуршит натуральный шелк. Всё было слишком осязаемым. Слишком реальным. Фактура ткани, холодный воздух из окна, далекий звук ржания лошади...

Я встала. Ноги подкосились, но я удержалась за резной столбик кровати. Дошла до зеркала в золоченой раме.

Из глубины зазеркалья на меня смотрела женщина невероятной красоты. Лет двадцати пяти, не больше. Фарфоровая кожа, капризный изгиб губ, водопад золотистых волос.

Я коснулась своего лица. Пальцы ощутили тепло. Холодное стекло зеркала отозвалось под подушечками пальцев.

«Этого не может быть. Мозг не способен генерировать тактильные ощущения такой четкости в состоянии бреда. Или способен?»

Я подошла к окну и отдернула тяжелую штору.

За стеклом расстился парк, уходящий к виноградникам. Далеко внизу по дорожке шел мужчина в камзоле, ведя под уздцы коня. Никаких машин. Никаких звуков города. Только природа и замок.

«Так, Юлия, соберись. Ты — человек науки. Давай анализировать. Либо это клиническая смерть и мозг догорает, выдавая последние картинки. Либо... нет, „либо“ невозможно. Переселение душ — это антинаучная чушь для дешевых романов».

Я провела в комнате несколько часов, методично изучая обстановку. Я искала доказательства реальности. Открыла шкатулку — драгоценности были тяжелыми, настоящими. Попробовала воду из графина — она была холодной и отдавала медью.

«Если это кома, то почему время идет так последовательно? — думала я, глядя, как солнечный луч медленно ползет по ковру. — В коме сюжеты должны путаться. А здесь... абсолютная линейность».

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, с лицом, словно высеченным из гранита. Его взгляд был таким холодным, что я невольно поежилась.

— Проснулась? — голос его прозвучал как удар хлыста. — Я надеялся, что вчерашняя порция вина заставит тебя проспать до вечера. У меня нет времени на твои капризы, Оливия.

Я замерла. Оливия. Значит, «меня» зовут Оливия.

— Кто вы? — спросила я, и мой рациональный мозг тут же добавил: «Отличный вопрос для сумасшедшей».

Мужчина замер. Его глаза сузились. Он подошел ближе, и от него пахло кожей и морозом.

— Новая игра? Хочешь прикинуться, что вчерашний скандал стер тебе память? Не утруждайся. Твои актерские таланты мне известны.

Он остановился в паре шагов от меня.

— Через месяц ты уедешь в наше южное поместье. Одна. Я подаю прошение королю о раздельном проживании. Это почти развод, Оливия. Ты получишь свое содержание, но к детям я тебя больше не подпущу.

Я смотрела на него, пытаясь осознать масштаб катастрофы. В моем бреду (я всё еще надеялась, что это бред) происходил развод. Прямо как на Земле.

— Хорошо, — ответила я просто. — Я поняла.

Он снова замер, явно ожидая криков, слез или летящей в голову вазы. Моё спокойствие обезоружило его. Герберт — так его звали, я вспомнила это имя из обрывков чужих разговоров, доносившихся из коридора — еще раз смерил меня подозрительным взглядом и вышел, с грохотом захлопнув дверь.

Я опустила в кресло. Солнце начало клониться к закату.

«Прошло уже часов шесть, — отметила я, глядя на часы на каминной полке. — Слишком длинный и связный галлюциноз. Если до вечера я не проснусь в больнице... значит, придется допустить невозможное».

Весь этот день я провела в странном оцепенении. Я не выходила из комнаты, боясь разрушить декорации своего безумия. Я ждала, когда декорации растают и появятся белые халаты врачей.

Вечером пришла служанка, принесла ужин. Я съела кусок холодного мяса и лепешку. Вкус был слишком отчетливым — соль, специи, жесткость волокон.

«Ладно, Юлия, — сказала я себе, ложась в огромную кровать, когда за окном совсем стемнело. — Если завтра утром я проснусь здесь же... значит, физика и логика официально отправляются в отставку. И мне придется как-то выживать в этой чужой жизни».

Я уснула без сновидений. Тяжело, как проваливаются в обморок.

Глава 2

Проснуться второй раз в том же самом месте — это уже не галлюцинация. Это

статистика.

Я открыла глаза и уставилась в балдахин, расшитый золотыми нитями. Тишина в

спальне была густой, почти осязаемой. Ни шума машин за окном, ни привычного

дребезжания старого холодильника на кухне. Мой рациональный мозг, отточенный

годами преподавания, сдался под натиском эмпирических данных. Если это кома,

то она пугающе последовательна. Если это бред, то он проработан лучше, чем

учебники по лингвистике последнего поколения.

Я села на кровати. Тело Оливии — теперь мое тело — отозвалось легкой истомой. В

свои сорок пять на Земле я каждое утро начинала с хруста в коленях и поисков

очков на прикроватной тумбочке. Здесь же я видела каждую ворсинку на ковре, а

гибкость в суставах казалась чем-то сверхъестественным.

— Ладно, Юлия Дмитриевна, — прошептала я, чувствуя, как чужие связки послушно

вибрируют. — Раз уж мы попали в самый абсурдный педагогический эксперимент в

истории, начнем с диагностики.

Первым делом я провела «инвентаризацию» комнаты. Это было необходимо, чтобы

понять личность той, чье место я заняла. Оливия была... катастрофой. В шкафах

— ворох бесценных шелков, сваленных в кучу. На столике — пустые флаконы из-под

духов и пятна от разлитого вина. В секретере — неоплаченные счета от модисток

и пачка писем, пахнущих дешевым мускусом. Я прочитала пару строк и поморщилась:

слог пятиклассницы, содержание — банальный флирт.

Оливия не просто жила праздной жизнью. Она была педагогически запущенным

взрослым, который дорвался до власти и красоты.

В дверь коротко, почти вызывающе, постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату

вошла служанка — дородная женщина с красным лицом и глазами, полными

скрытого пренебрежения. В руках она держала таз с водой.

— Проснулись, госпожа? — голос её был резким. — Маркиз велел передать, что он

уезжает на дальние виноградники до вечера. Завтрак подадут в малую залу, если

вы, конечно, соизволите спуститься, а не будете требовать вино в постель, как

вчера.

Я смотрела на неё, и внутри меня медленно просыпался профессиональный инстинкт.

Я знала этот типаж. Так ведут себя опытные школьные гардеробщицы или технички,

когда видят молодую и неопытную учительницу: наглость, проверка границ,

уверенность в своей безнаказанности.

Я не стала вскакивать или оправдываться. Я медленно выпрямила спину — та самая

«осадка завуча», которая заставляла замолкать коридор во время перемены.

— Ваше имя? — спросила я холодно.

Служанка замерла, едва не расплескав воду. — Так Марта я... вы что же, с похмелья

и меня позабыли?

— Марта, — я выделила её имя интонацией, от которой у моих учеников обычно

холодели пятки. — Поставьте воду. А теперь послушайте меня внимательно.

Если вы еще раз позволите себе войти в мою спальню без приглашения или

заговорите со мной в подобном тоне, вы отправитесь искать работу за

пределами этого замка в ту же минуту. Вам понятно?

Марта открыла рот, собираясь что-то возразить, но наткнулась на мой взгляд. В

нем не было привычной истеричности Оливии. В нем был опыт женщины, которая

ставила на место комиссии из министерства.

— Понятно, госпожа маркиза, — буркнула она, приседая в неловком, запоздалом

реверансе.

— Свободны. И пришлите ко мне детей. Сейчас же.

Когда дверь за Мартой закрылась, я выдохнула. Первая победа. Власть в этом мире,

кажется, держится на сословном высокомерии, но я планировала использовать

кое-что посильнее — дисциплину.

Через десять минут в дверях появились Алиса и Беата. Они выглядели еще более

жалкими, чем вчера. Волосы спутаны, платьица в пятнах. Они стояли,

вцепившись друг в друга, ожидая удара или окрика.

Сердце кольнуло. Оливия, кем бы ты ни была, ты заслужила свое проклятие. Как

можно было довести собственных дочерей до такого состояния?

— Доброе утро, — я постаралась смягчить голос, но не делать его приторным. Дети

чувствуют фальшь лучше, чем взрослые. — Вы завтракали?

Девочки синхронно мотнули головами.

— Значит, мы пойдем завтракать вместе. Алиса, Беата, подойдите к зеркалу.

Они подошли, дрожа, как осинового листы. Я взяла с туалетного столика костяной

гребень. — Сейчас я расчесу вам волосы. Будет немного больно, потому что они

запутались, но нужно потерпеть. Мы — леди, а леди не ходят с колтунами.

Я начала медленно разбирать пряди. Они замирали при каждом моем движении.

«Диагноз: глубокая депривация и страх перед значимым взрослым», — отметил

мой внутренний педагог. Лечение: режим, последовательность, предсказуемость.

— Где ваша няня? — спросила я, распутывая сложный узел на волосах Беаты.

— Н-няня Гретта... она внизу, пьет чай с кучером, — прошептала Алиса, глядя на

меня через зеркало с нескрываемым изумлением. — Она сказала, чтобы мы не

выходили, пока она не придет.

— Понятно. Значит, няню Гретту мы сегодня тоже научим правилам поведения, — я

закончила с волосами и заплела им по две простые косы. — Ну вот, теперь на

вас приятно смотреть. Идемте.

Мы спустились по широкой мраморной лестнице. Замок был великолепен, но запущен.

Пыль в углах, потемневшее серебро в нишах. Оливии было плевать на дом, Герберт,

видимо, был слишком занят делами поместья.

В малой зале стол был накрыт небрежно. Холодная каша, черствый хлеб. Марта

стояла у окна, демонстративно игнорируя наше появление.

— Марта, — позвала я. — Этот завтрак непригоден для детей. Принесите горячее

молоко, свежие фрукты и подогрейте хлеб. И найдите няню Гретту. Живо.

— Так ведь... господин маркиз велел экономить, — начала было служанка, но я

перебила её коротким жестом.

— Вы экономите на здоровье наследниц рода де Валлон? Думаю, маркизу будет очень

интересно узнать об этой инициативе. Идите.

Марта исчезла так быстро, словно за ней гнались черти.

Дети ели молча, постоянно поглядывая на меня. Я сидела во главе стола, чувствуя

себя генералом перед решающей битвой. Моя прошлая жизнь — со школьными

звонками, бесконечными отчетами и деспотизмом свекрови — казалась теперь странным сном. Здесь всё было проще и страшнее одновременно. Здесь я была законом.

Ближе к полудню, когда я занималась с девочками в саду (мы просто собирали листья, и я учила их различать дуб и клен — мой первый урок в этом мире),

на дорожке показался Герберт.

Он был на коне, в запыленном плаще. Увидев нас вдвоем, он резко натянул поводья.

Конь заржал, поднявшись на дыбы. Герберт спрыгнул на землю и подошел к нам. Его лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на когнитивный диссонанс.

— Оливия? — он посмотрел на детей, которые тут же спрятались за мою юбку. — Что происходит? Почему ты не в своих покоях?

— Я решила, что детям полезен свежий воздух, — я поднялась, отряхивая руки. — И я обнаружила, что их воспитанием никто не занимается. Няня уволена, Герберт. Он нахмурился, его рука легла на пояс, где висел кинжал. — Уволена? Без моего

согласия? Ты хоть понимаешь, сколько труда стоило найти Гретту? Она была рекомендована моей теткой.

— Ваша тетка, видимо, очень не любит ваших детей, раз порекомендовала женщину, которая запирает их в чулане и ворует их еду, — я сделала шаг к нему, сокращая дистанцию. Я была ниже, но сейчас я чувствовала себя выше его на голову. — Я не прошу твоего согласия на наведение порядка в детской, Герберт. Я его требую.

Как мать и как маркиза.

Герберт молчал. Он смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова. Его ноздри раздувались от гнева, но за этим гневом я видела растерянность.

— Что с тобой? — спросил он тихо, почти хрипло. — Ты не похожа на себя. Это...

какое-то новое безумие? Очередной способ привлечь внимание?

— Нет, Герберт. Это просто здравый смысл. Месяц, который ты мне дал, я намерена провести с пользой. Если ты всё еще захочешь отправить меня в южное поместье через тридцать дней — воля твоя. Но к тому времени мои дочери будут уметь

читать и перестанут вздрагивать от каждого шороха.

Я развернулась, взяла девочек за руки и повела их к замку, оставив маркиза

стоять на дорожке.

Вечером, лежа в постели, я думала о том, что это был самый длинный рабочий день

в моей жизни. Я всё ещё не знала, как я здесь оказалась и почему. Но одно я

знала точно: педагогика — это сила, способная выжить в любом мире.

Я засыпала с мыслью о том, что завтра мне нужно будет проверить библиотеку. А

еще через пару дней... через пару дней у ворот должна появиться та, кого я жду

и боюсь одновременно.

Потому что проклятия никогда не приходят в одиночку. Они всегда приводят с собой

тех, кто их породил.

Глава 3

На третий день моего пребывания в этом теле я окончательно перестала ждать, когда за мной приедет санитарная бригада. Реальность оказалась на редкость навязчивой: она пахла сырым камнем, несвежим ворсом тяжелых портьер и подгоревшим жиром из кухни. В моей «земной» жизни я всегда говорила студентам, что адаптация — это вопрос не времени, а воли. Что ж, пришло время проверить собственные теории на практике.

Утро началось с того, что я пересчитала запасы чистого белья в детской. Оказалось, что у дочерей маркиза де Валлона меньше сменных сорочек, чем было у меня в общежитии в девяностые. Оливия, кажется, тратила на свои духи больше, чем на весь годовой бюджет детской комнаты.

— Матушка, а мы сегодня будем рисовать буквы на песке? — Алиса стояла у окна, теребя край сорочки.

Она уже не вздрагивала, когда я заходила в комнату. За три дня мне удалось добиться главного — предсказуемости. Дети знали: если я пришла, будет еда, будет спокойный голос и не будет беспричинных вспышек гнева. В педагогике это называется «созданием безопасной среды». В моей новой жизни это называлось «попыткой не сойти с ума».

— Будем, Алиса. Но сначала — завтрак и проверка чистоты рук, — я улыбнулась, и на этот раз мышцы лица не свело судорогой от фальши. — Беата, перестань грызть ноготь. Это некрасиво и вредно для здоровья.

Девочки переглянулись. В их глазах всё еще плескалось изумление, смешанное с подозрением, но они уже начали принимать новые правила игры.

К полудню небо над Ардентой затянуло свинцовыми тучами. Крупные капли дождя застучали по витражным стеклам, превращая парк за окном в размытую акварель. В замке стало зябко. Слуги лениво разжигали камин, ворча под нос, что «молодая госпожа совсем заездила их своими проверками пыли».

Я сидела в малой библиотеке, пытаясь разобраться в хозяйственных книгах.

Герберт, мой «муж», судя по записям, был отличным воином, но
посредственным администратором. В поместье царил хаос,
завуалированный старыми традициями. Везде, где не было его прямого
контроля, начиналось воровство и кумовство.
Сам маркиз не показывался с самого утра. Я чувствовала его взгляд на себе за
обедом — тяжелый, изучающий, полный немого вопроса. Он ждал, когда я
сломаюсь. Когда маска «приличной женщины» сползет, и я снова начну
требовать вино, новых портных или скандала. Его недоверие было почти
осязаемым, как холодный сквозняк, гуляющий по коридорам.
Около пяти часов вечера, когда сумерки начали поглощать холл, снизу раздался
шум. Это не был привычный звук падающей посуды или окрик дворецкого. Это был
визг. Высокий, надрывный, наполненный такой яростной претензией, что я невольно
выпрямилась.
— Пусти, остолоп! Ты хоть понимаешь, кто перед тобой?! Я буду жаловаться! Я
добьюсь твоего увольнения без выходного пособия!
Я замерла на верхней ступеньке лестницы. Этот голос... В нем было что-то такое, от
чего у меня заныли старые шрамы на душе. Та же интонация превосходства, та же
манера растягивать гласные, когда нужно унижить собеседника. Но этого не
могло быть. Это была статистическая невозможность.
Я медленно начала спускаться вниз.
В холле, у самого входа, разыгрывалась сцена из дешевого фарса. Два стражника в
кожаных доспехах удерживали за локти старуху. Она была похожа на комок грязного
тряпья: рваный серый плащ, сбита обувь, седые волосы, выбившиеся из-под
грязного чепца. Но то, как она держала голову, и то, как сверкали её
глаза из-под кустистых бровей, совершенно не вязалось с её нищенским видом.
— Что здесь происходит? — мой голос разрезал пространство холла, заставив
стражников вытянуться во фрунт.
— Госпожа маркиза, — один из них, молодой парень с веснушками, виновато шмыгнул

носом. — Вот, прибилась к воротам вместе с просителями из деревни. Дождь ведь...

Мы хотели выдать ей миску похлебки и отправить в амбар на ночлег, а она как

начала орать. Требуем аудиенции, говорит, что она «особа при должности».

Сумасшедшая, видать.

Старуха резко повернулась в мою сторону. Я замерла.

Лицо было незнакомым — иссеченное морщинами, с острым носом и узкими губами. Но

взгляд... Тот самый прищур, которым Ульяна Мироновна проверяла чистоту

подоконников в моей квартире. Тот самый взгляд, который обесценивал

тебя еще до того, как ты открывала рот.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Моя рациональная часть кричала:

«Это просто совпадение! Типаж властной старухи универсален во всех мирах!». Но

педагогическая интуиция, отточенная десятилетиями борьбы с манипуляторами,

твердила обратное: это она. Но как? В теле нищенки?

— Вы! — старуха ткнула костлявым пальцем в мою сторону. — Ты здесь за главную?

Посмотри на этих мужланов! Они посмели тронуть меня руками! Я требую, чтобы

мне немедленно предоставили сухую комнату, горячую ванну и... и где ваш

начальник? Мне нужно составить рапорт о ненадлежащем приеме официального

лица!

Она не узнала меня. Конечно. Перед ней была двадцатипятилетняя красавица в

шелках, а не измотанная невестка-учительница. Её спесь была настолько

абсурдной в этих декорациях, что стражники едва сдерживали смех.

— Официального лица? — я медленно подошла к ней, шурша юбками. — Какую должность

вы занимали, уважаемая?

— Я... — старуха на мгновение замялась, её глаза лихорадочно забегали. Было видно,

что она сама еще не до конца осознала, где находится. — Я занимала высокий пост

в Комитете... в ведомстве по связям! Моё имя — Урсула. И я не привыкла к такому

обращению!

«Урсула», значит. Звучало как плохой перевод её настоящего имени.

Я смотрела на неё и чувствовала странную смесь злорадства и ледяного

любопытства. Судьба, кажется, обладала специфическим чувством юмора.

Свекровь, которая всю жизнь попрекала меня куском хлеба и моим «низким»

происхождением, теперь стояла в моем холле в роли побитой собаки.

— Урсула, — повторила я, пробуя имя на вкус. — Вы понимаете, где вы находитесь?

Это замок маркиза де Валлона. Здесь нет комитетов и ведомств. Здесь есть закон

маркиза и моя воля.

Старуха надулась, как индюк. — Маркиза? — она окинула меня презрительным

взглядом. — Слишком молода для такой спеси. Где твой муж? Мужчины всегда

быстрее соображают, когда речь идет о статусных людях.

Один из стражников не выдержал и хохотнул: — Слыхали? Статусная! Грязь из-под

ногтей сначала вычисти, статусная!

Урсула (я уже почти не сомневалась, что это Ульяна Мироновна) вспыхнула. Её лицо

стало багровым, и она открыла рот, чтобы выдать тираду, которая, вероятно,

стоила бы ей порки на конюшне, но я подняла руку.

— Достаточно.

В холле воцарилась тишина. Я видела, как Герберт остановился на галерее второго

этажа, наблюдая за сценой. Его лицо было скрыто тенью, но я чувствовала его

напряженное внимание. Ему было любопытно, как я справлюсь с «сумасшедшей».

— Урсула, вы просите крова? — спросила я, глядя ей прямо в глаза.

— Я не прошу, я требую надлежащих условий! — отрезала она.

Она была невыносима. Даже лишившись всего, она продолжала играть роль госпожи.

Это было так узнаваемо, что у меня на мгновение сжались кулаки. Мне захотелось

приказать вышвырнуть её под дождь. Пусть мерзнет. Пусть узнает, каково это —

быть никем.

Но потом во мне включился педагог. Стаж не пропьешь и в другой мир не выкинешь.

Мсть — это низкокалорийный продукт, от неё нет долгого удовлетворения. А вот

перевоспитание... Это работа для профессионала.

— Нам нужны рабочие руки на кухне, — сказала я, обращаясь к дворецкому, который

возник из тени коридора. — Старая Эмма жаловалась, что ей тяжело справляться с

чисткой котлов и овощей.

Урсула замерла. Её рот приоткрылся от возмущения. — Что?! Кухня? Котлы?! Вы с ума сошли? Я — руководила людьми! Я не буду копать в ваших очистках! — Вы будете делать то, что вам скажут, Урсула, — я сделала шаг вперед, вторгаясь в её личное пространство. — Либо вы идете на кухню, получаете горячую еду, угол в каморке прислуги и работу по силам. Либо стражники выведут вас за ворота прямо сейчас. В лесу ночью холодно, а волки в это время года особенно голодны. Выбирайте. Ваш «статус» здесь не стоит и этой заплесневелой корки хлеба.

Она смотрела на меня с такой ненавистью, что если бы взгляды могли убивать, я бы уже второй раз за неделю отправилась на тот свет. В её глазах мелькнула тень подозрения. Она всматривалась в мое лицо, пытаясь найти в нем что-то знакомое, но маска Оливии была безупречна.

— Хорошо, — выплюнула она, почти давясь словами. — Я останусь. Пока. Но знайте, я этого так не оставлю! Я найду способ доложить о вашем произволе!

— Проводите её на кухню, — бросила я дворецкому. — И прикажите поварихе выдать ей самую грубую одежду. Плащ сжечь, от него несет болотом.

Когда старуху увели, я почувствовала, что мои руки мелко дрожат. Я сцепила их в замок.

— Жестоко, Оливия, — раздался сверху голос Герберта.

Он медленно спускался по лестнице, заложив руки за спину. Его взгляд был ироничным. — Взять в дом безумную нищенку? Ты либо слишком добра, либо задумала какую-то новую пакость. Обычно ты брезговала даже смотреть в сторону таких людей.

— Люди меняются, Герберт. Ты сам это сказал... точнее, надеялся на это, — я заставила себя улыбнуться. — Старуха выглядит крепкой. А её гонор — это просто защитная реакция. Немного физического труда на пользу общества еще никому не вредило.

— «На пользу общества»? — Герберт хмыкнул, остановившись на последней ступеньке.

— Странные слова для женщины, которая еще неделю назад не знала, как пишется

слово «бюджет».

Он подошел ближе. Вблизи он казался еще более внушительным. От него исходила

аура спокойной, уверенной силы — то, чего я никогда не чувствовала в

Валерии.

— Скажи мне, — он понизил голос, — зачем тебе эта старуха? В ней есть что-то...

неприятное. Она смотрит так, словно собирается отравить колодец.

— Вот и присмотрим за ней, — ответила я, выдерживая его взгляд. — На кухне она

будет на виду. А выгонять человека в такую погоду — это создавать дурную

репутацию замку. Мы ведь не хотим, чтобы о нас говорили как о тиранах?

Герберт промолчал, но я видела, что мой ответ его не удовлетворил. Он был

слишком умён, чтобы не заметить странности в моем поведении.

— Иди к детям, Оливия, — сказал он наконец. — Скоро ужин. И постарайся, чтобы

эта твоя... Урсула не перебила всю посуду в первый же вечер.

Я кивнула и пошла вверх по лестнице. Мои мысли были далеко.

Значит, мы снова под одной крышей. Ульяна Мироновна, «железная леди» управления

образования, теперь будет чистить картошку в моем замке. Это было настолько

сюрреалистично, что мне захотелось рассмеяться.

Но смех быстро угас. Я знала эту женщину. Она была как сорняк — дай ей хоть

каплю почвы, и она прорастет сквозь бетон. Она не будет просто чистить

котлы. Она начнет слушать. Начнет наблюдать. Она будет искать слабое место

в этой новой реальности.

Я зашла в детскую. Девочки играли на ковре с деревянными кубиками, которые я

заставила принести из кладовой.

— Матушка, посмотрите! Я построила башню! — радостно крикнула Беата.

Я присела рядом с ними, поправляя юбки. — Очень красивая башня, Беата. Но помни,

чтобы башня стояла долго, у неё должен быть очень крепкий фундамент.

Я говорила это дочери, но думала о себе. Мой фундамент в этом мире всё еще был

зыбким. Я не знала местных законов, не знала всех врагов Оливии, и теперь в

моем тылу сидела женщина, которая знала меня настоящую лучше, чем кто-либо

другой. Пусть она сейчас не узнала моё лицо, но она узнает мой стиль. Мои

привычки. Мои методы.

«Нужно молчать, — приказала я себе. — Никаких земных словечек. Никаких „педсоветов“ и „министерств“. Только роль маркизы. Холодной, требовательной, но справедливой».

Вечером, после того как дети уснули, я долго стояла у окна. Дождь не прекращался. Где-то там, внизу, на сырой кухне, сейчас сидела та, кто когда-то разрушил мою семью. И я поймала себя на мысли, что мне не терпится увидеть её завтра.

Не для того, чтобы поиздеваться. А для того, чтобы провести свой самый главный урок. Урок о том, что статус — это пыль, а человечность — это единственная валюта, которая имеет значение в любом из миров.

Но готова ли была Ульяна Мироновна учиться? Вряд ли. Такие люди предпочитают ломать мир под себя, чем меняться самим.

— Посмотрим, кто из нас лучший педагог, мама, — прошептала я в темноту.

В ту ночь мне приснилась авария. Но на этот раз грузовика не было. Была только Ульяна Мироновна, которая стояла посреди дороги и указывала на меня пальцем, а её голос гремел над трассой: «Ты не маркиза! Ты — Юлька! Нищая училка!».

Я проснулась в холодном поту. Сердце колотилось о ребра. Рассвет только начинался. Четвертый день моей новой жизни обещал быть сложным. Но я была готова. В конце концов, у меня за плечами было двадцать лет работы в школе. А после этого никакая свекровь уже не казалась по-настоящему страшной.

Я встала, накинула халат и подошла к зеркалу. — Спокойно, Юлия Дмитриевна. Выдохнули. Улыбнулись. У нас сегодня по плану — проверка кухни. И встреча с «новым персоналом».

Я еще не знала, что Урсула в это самое время на кухне уже успела поссориться с поварихой и теперь методично записывала в своей голове «недостатки в организации питания», привычно готовясь к ревизии, которой ей никогда не суждено было провести. Две женщины из одного мира начали свою партию в другом, даже не подозревая, что главные ходы еще впереди.

Глава 4

Замок де Валлон просыпался неохотно, кутаясь в серое одеяло утреннего тумана. В моей прошлой жизни в это время я обычно сражалась с закипающим чайником и пыталась нащупать под кроватью второй тапочек, мысленно прокручивая план первого урока. Теперь же моё утро начиналось с тяжелого шелка простыней и оглушительной, почти музейной тишины огромной спальни. Я поднялась, чувствуя непривычную бодрость. Тело Оливии было создано для неги, но мой разум требовал деятельности. Педагогика — это не только учебники, это прежде всего порядок. Везде: в голове, в шкафу, в жизни. — Марта! — позвала я, и в голосе не было ни капли прежней капризности, только сухая деловитость. Служанка ввалилась в комнату через минуту, запыхавшаяся, с криво повязанным чепцом. Она всё ещё смотрела на меня с опаской, ожидая, что «новая» маркиза вот-вот закончится и начнется старая, швыряющаяся туфлями. — Воды для умывания, — распорядилась я. — И подготовьте девочкам одежду для прогулки. Ту, что поплотнее. Сегодня мы пойдем осматривать оранжерею. — Так ведь... — Марта замялась. — Господин маркиз велел экономить на дровах для оранжереи, там холодно. — Значит, мы пойдем туда в плащах. Марта, я не привыкла повторять дважды. И принесите мне тетрадь и чернила. Желательно те, что не размазываются от первого же вздоха. Когда служанка скрылась, я подошла к окну. Дождь утих, оставив после себя тяжелые капли на ветках старых тисов. Где-то там, внизу, в полуподвальном помещении кухни, сейчас начинала свой «рабочий день» Ульяна Мироновна. Мысль об этом вызвала у меня странный зуд — смесь профессионального интереса и глубоко запрятанной обиды. Как поведет себя женщина, привыкшая подписывать приказы о лишении премий, когда ей прикажут чистить котлы? После завтрака с детьми, который прошел в относительной тишине — Алиса и Беата

уже привыкли, что за столом не нужно прятаться под скатерть — я решила

устроить «ревизию».

Кухня встретила меня жаром печей, запахом пережаренного лука и грохотом медных

тазов. Главная повариха, Берта — женщина объемом с хороший платяной шкаф и

лицом цвета вареного рака — командовала парадом, размахивая половником как

маршальским жезлом.

— Шевелитесь, бездельники! Маркиз вернется к полудню, а у нас жаркое еще не в

печи! — гремела она.

Заметив меня, Берта осеклась и попыталась изобразить реверанс, что при её

габаритах выглядело как попытка небольшого здания осесть в фундамент.

— Ваша милость... Не ждали в такой час. У нас тут... дымно.

— Я вижу, Берта. Я пришла посмотреть, как устроилась наша новая помощница.

Я обвела взглядом помещение. Ульяну — теперь Урсулу — я нашла в самом дальнем и

темном углу, у огромной бадьи с грязными овощами. Она выглядела жалко: серое

платье из грубой мешковины, волосы, наспех спрятанные под косынку, и руки,

уже покрасневшие от ледяной воды.

Но даже в этом виде она умудрялась бесить окружающих.

— Я вам еще раз повторяю, — донесся её дребезжащий, полный желчи голос, — эта

система очистки крайне неэффективна! Если вы распределите овощи по размеру и

назначите одного человека на морковь, а другого на репу, производительность

труда вырастет на пятнадцать процентов! Это же элементарная логистика!

Молоденькая кухонная девка, стоявшая рядом, хлопала глазами, явно не понимая ни

слова про «производительность», ни про «логистику».

— Ты посмотри на неё, — прошипела Берта мне на ухо, забывшись от возмущения. — С

утра только и делает, что поучает. То ножи у нас не так лежат, то график выноса

помоев ей не нравится. Сумасшедшая старуха! Я ей говорю — чисти, а она мне —

«оптимизируйте процесс»!

Я сдержала улыбку. Узнаю этот почерк. Ульяна Мироновна могла оказаться хоть в

аду, но и там она первым делом начала бы реформировать подачу серы и

составлять график дежурств чертей.

Я подошла ближе к бадье. Урсула вскинула голову. В её глазах, окруженных сетью

морщин, на мгновение вспыхнуло узнавание — нет, не меня как личности, а узнавание врага. Она видела во мне молодую, богатую женщину, которая распоряжается её жизнью. То самое «ничтожество», которое она привыкла презирать.

— Как работа, Урсула? — спросила я холодно. — Справляетесь?

Старуха выпрямилась, насколько позволяла ей больная спина. Она вытерла мокрые

руки о передник и посмотрела на меня с таким вызовом, словно это она

принимала меня на работу, а не наоборот.

— Работа монотонная и не требующая высокой квалификации, — отрезала она. — Но

даже здесь царит чудовищная бесхозяйственность. Ваша повариха совершенно не

смыслит в управлении персоналом. Если бы в моем ведомстве...

Она осеклась, прикусив язык. «Ведомство». Ох, Ульяна Мироновна, старые привычки

умирают последними.

— В вашем «ведомстве», Урсула, вероятно, было больше порядка, — я сделала шаг

вперед, глядя на неё сверху вниз. — Но здесь ваше «ведомство» — это гора

нечищенной моркови. И пока вы её не закончите, обеда не будет. Берта,

проследите, чтобы наша гостья не слишком увлекалась лекциями. Труд

облагораживает, не так ли?

— Истинно так, госпожа маркиза! — радостно подхватила повариха, явно предвкушая,

как задаст «умнице» жару.

Я развернулась и вышла, чувствуя на спине горящий взгляд свекрови. Она не узнала

меня. Для неё я была просто очередной высокомерной аристократкой. И это было мне

на руку. Я хотела посмотреть, сколько в ней останется этой спеси, когда она

проведет неделю в копоти и холоде. Педагогический эксперимент «Смена

социальных ролей» начался.

Остаток дня я провела в библиотеке. Мне нужно было разобраться в счетах. Оливия

жила в долг, и этот долг медленно, но верно душил поместье. Герберт продавал

лошадей, закладывал урожай, лишь бы оплачивать её счета от ювелиров и

модисток.

— Занимаешься арифметикой? — раздался голос от двери.

Герберт. Он стоял, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. На нем был

простой охотничий камзол, волосы слегка растрепаны ветром. Он выглядел

уставшим, но его взгляд, прикованный к моим рукам, был острым.

— Пытаюсь понять, сколько мы должны господину Леблану за мои прошлые... увлечения,

— я не стала скрывать правду. — Сумма впечатляет, Герберт.

Он прошел вглубь комнаты и сел в кресло напротив стола. — Ты никогда раньше не

интересовалась цифрами. Обычно ты просто требовала деньги, а когда я отказывал

— устраивала истерику с битьем посуды. Что изменилось? Ты всё еще надеешься, что

я передумаю насчет южного поместья?

Я отложила перо. — Я хочу, чтобы мои дочери не остались бесприданницами из-за

моей глупости. И я хочу, чтобы ты перестал смотреть на меня так, словно я

вот-вот украду твои серебряные ложки.

Герберт наклонился вперед. Между нами было чуть больше метра, и я почувствовала

исходящий от него жар. Это был не тот холодный муж из моих воспоминаний о

Валерии. Это был мужчина, который всё еще мог чувствовать — гнев,

раздражение и... что-то еще, что он тщательно скрывал под маской ледяного

безразличия.

— Ты другая, — сказал он негромко. — Голос, манеры, даже запах... Ты сменила духи?

— Я сменила приоритеты, Герберт.

— И ты думаешь, я поверю в это за три дня? Оливия, я знаю тебя семь лет. Ты не

способна на такие перемены. Либо ты что-то задумала, либо... — он замолчал,

подбирая слова.

— Либо я просто повзрослела. Внезапно и окончательно. Понимаю, это звучит

неубедительно, но у меня есть месяц, чтобы доказать тебе обратное.

Он усмехнулся, но в этот раз в его улыбке не было яда. Скорее — усталое

любопытство. — Месяц. Что ж, посмотрим. Пока что твой «новый образ»

обходится мне дешевле прежнего — ты еще не заказала ни одного платья. Но эта

старуха на кухне... зачем она тебе? Ты же видела, она сумасшедшая.

— Она не сумасшедшая, Герберт. Она просто привыкла командовать. Нам всем нужно иногда учиться подчиняться. Это полезный опыт для формирования характера. Герберт встал, его взгляд на мгновение задержался на моих губах, и у меня внутри что-то предательски дрогнуло. Сорокапятилетняя Юлия Дмитриевна, завуч с безупречной репутацией, сейчас чувствовала себя как школьница на первом свидании.

— Твоего характера, Оливия? — спросил он тише. — Или её?

— Нашего общего.

Он вышел, не попрощавшись, а я еще долго сидела в библиотеке, глядя на танцующее пламя свечи.

Вечером я зашла на кухню еще раз. Там было уже тише. Урсула сидела на низкой табуретке у остывающей печи, её плечи понуро опустились. Она ела грубую кашу из деревянной миски, и по её щекам — я видела это отчетливо — текли слезы. Но стоило ей услышать шорох моего платья, как она мгновенно преобразилась. Слезы высохли, спина выпрямилась, а в глазах снова зажегся огонь неповиновения. — Пришли насладиться зрелищем, маркиза? — прошипела она. — Думаете, сломали меня?

— Я думаю о том, Урсула, что вы плохо вымыли котлы, — спокойно ответила я. —

Берта жаловалась на жирный налет. Завтра переделаете.

— Да вы... да я... — она задыхалась от ярости. — Вы хоть понимаете, что я могу с вами сделать, если...

— «Если» — это пустое слово, Урсула. Здесь и сейчас вы — прислуга. И если завтра

котлы не будут сиять, вы останетесь без ужина. Доброй ночи.

Я уходила, чувствуя, как внутри растет странное удовлетворение. Нет, это была не

месть. Это была педагогическая коррекция. Ульяна Мироновна двадцать пять лет

учила меня смирению. Теперь была моя очередь преподать ей этот урок.

Я еще не знала, что на следующее утро Урсула найдет в своей каморке кусок

хорошего мыла и чистую сорочку, которые я велела передать ей тайно.

Потому что хороший педагог знает: наказание должно чередоваться с

поощрением. Даже если твой ученик — твоя собственная проклятая

свекровь.

Засыпая, я думала о Герберте. Его подозрительность была моей самой большой

проблемой. Но его интерес... его интерес был моим самым большим соблазном. В

этом мире, где я была Оливией, я могла позволить себе то, чего никогда не

позволяла себе Юлия. Быть женщиной. Желанной. Опасной.

Но сначала — котлы. И сначала — буквы на песке с детьми. Порядок превыше всего.

Глава 5

Пятый день в теле Оливии де Валлон начался с инея на оконных стеклах и осознания того, что моя прошлая жизнь окончательно превратилась в архивный файл, доступ к которому защищен паролем «смерть».

Утреннее солнце Арденты не грело, оно лишь подсвечивало пылинки, танцующие в лучах, пробивающихся сквозь узкие окна замка. Я сидела в детской, наблюдая, как Алиса и Беата увлеченно сортируют разноцветные фасолы по глиняным плошкам. Простейшее упражнение на мелкую моторику, которое я выдала им за «важное поручение госпожи матери», захватило их больше, чем все золоченые куклы, пылящиеся в углу.

— Матушка, а если синяя фасоль закончится, можно нам взять те белые камешки? —

Алиса подняла на меня глаза, в которых больше не было того парализующего ужаса. Осталась лишь осторожная настороженность — так смотрят на учителя, который внезапно заменил в классе тирана.

— Можно, Алиса. Но сначала закончи с этим. Порядок в малом рождает порядок в великом.

Я поймала себя на том, что цитирую саму себя из лекций в университете. Старые привычки сидели во мне глубже, чем я думала. Мой внутренний педагог не просто выжил после аварии, он захватил управление этим молодым, полным сил телом и теперь методично выстраивал новую реальность.

— Госпожа маркиза? — В дверях замаялась Марта. — Господин маркиз просит вас зайти в малый кабинет. Сказал... — она замаялась, подбирая слова, — сказал, что прибыли бумаги от нотариуса.

Я кивнула, чувствуя, как внутри натягивается струна. Документы от нотариуса — это либо счета, либо те самые бумаги о раздельном проживании, которыми

Герберт грозил мне в первый день.

— Оставайтесь с няней Мари, — я коснулась плеча Беаты.

Новая няня, тихая вдова из деревни, которую я наняла вчера вместо уволенной

Гретты, кивнула мне с глубоким почтением. В замке уже начали шептаться:

маркиза сошла с ума, она сама выбирает слуг и требует, чтобы детям читали

сказки, а не пугали их демонами лесов.

Путь до кабинета Герберта пролегал мимо кухни. Я специально сделала крюк. Мне

нужно было увидеть её.

На кухне царил привычный утренний хаос, но теперь в нем появился новый, странный

ритм. Ульяна Мироновна — ныне Урсула — стояла у огромного стола, заваленного

кореньями сельдерея. На ней был всё тот же серый передник, но чепец она

повязала с такой пугающей аккуратностью, словно это был парадный берет

чиновника.

— Я повторяю вам в третий раз, любезная Берта, — донесся её скрипучий голос,

перекрывающий шипение масла. — Если вы будете продолжать резать мясо таким

образом, у вас будет тридцать процентов отходов. Это преступная халатность! В

моем... в тех местах, где я работала, за такое лишали пайки!

Берта, обычно грозная и крикливая, сейчас выглядела как человек, у которого в

голове поселился очень настойчивый и очень нудный комар. Она занесла

половник, но так и не решилась его опустить.

— Да что ты за ведьма такая! — в сердцах выкрикнула повариха. — Всё тебе не так!

Иди вон, котлы три, оптимизаторша хренова!

— Терминология у вас страдает, — холодно отрезала Урсула, даже не моргнув

главой. — И ножи нужно точить дважды в день. Посмотрите на этот срез. Это

же позор для приличного дома.

Я стояла в тени дверного проема, наблюдая за этим театром абсурда. Ульяна не

менялась. Дай ей хоть палку, хоть министерское кресло — она начнет

выстраивать иерархию и искать нарушения в ГОСТах. Она не просто

выживала, она пыталась возглавить кухню, действуя своим любимым методом:

измором и бесконечными замечаниями.

Она еще не узнала меня. Она смотрела на «Оливию» как на объект, который мешает

ей проводить реформы. В её глазах я была лишь препятствием, красивой куклой,

которая случайно оказалась на вершине пищевой цепочки.
«Подожди, мама, — подумала я, ощущая горький вкус удовлетворения. — Твой главный экзамен впереди».

Кабинет Герберта встретил меня запахом старой кожи и табака. Маркиз сидел за массивным столом, заваленным пергаментами. Когда я вошла, он не встал, но его взгляд — тяжелый, пристальный — мгновенно приклеился к моему лицу.

— Садись, Оливия.

Я опустилась в кресло напротив. На столе лежал конверт с сургучной печатью.

— Пришел ответ из столицы по поводу твоих долгов, — Герберт постучал пальцами по столу. — Твой ювелир, месье Леблан, требует немедленной выплаты, иначе он обратится в королевский суд. Сумма такова, что мне придется продать часть племенных лошадей.

Я смотрела на бумаги. Раньше Оливия, вероятно, начала бы рыдать или обвинять его в жадности. Я же просто протянула руку.

— Позволь мне взглянуть на счета.

Герберт удивленно приподнял бровь, но бумаги отдал. Я начала изучать их. Как филолог, я привыкла работать с текстами, а как завуч — с ведомостями. Через пять минут я подчеркнула ногтем три позиции.

— Здесь ошибка, Герберт.

— Ошибка? — он усмехнулся. — Леблан — самый известный ювелир в Окрисе. Он не ошибается.

— Он не ошибается, он обсчитывает, — я повернула к нему лист. — Посмотри. Здесь указана цена за карат изумруда высшей воды, но в ожерелье, которое я нашла в своей шкатулке, камни имеют включения. Это снижает стоимость вдвое. А здесь... плата за работу превышает стоимость металла в три раза. Это грабеж, рассчитанный на женщину, которая не умеет считать.

Герберт наклонился вперед. Его плечо почти касалось моего, и я внезапно почувствовала, как по коже пробежали искры. Это молодое тело реагировало на него слишком бурно, игнорируя все доводы моего сорокапятилетнего рассудка.

— Откуда ты знаешь такие тонкости? — его голос стал тише, глубже.

— Я много читала в последнее время. И я не хочу, чтобы ты продавал лошадей из-за этих подделок. Напиши ему, что мы потребуем независимой экспертизы в гильдии.

Уверена, он тут же предложит скидку в пятьдесят процентов.
Герберт молчал долго. Так долго, что я начала слышать стук собственного сердца.

Он смотрел не на бумаги, а на меня. Так смотрят на незнакомый артефакт, который может либо спасти, либо взорваться в руках.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — наконец сказал он. — Где та женщина, которая неделю назад разбила вазу, потому что я отказался купить ей тиару?
— Она осталась в том дождливом дне, когда я поняла, что могу всё потерять, —

ответила я правду, завуалированную под метафору. — Герберт, я знаю, что ты мне не веришь. Но позволь мне заняться экономией в замке. Дай мне право голоса в управлении слугами.

— Ты уже уволила Гретту и наняла какую-то вдову, — напомнил он. — Замок гудит.

Слуги говорят, что ты стала... странной. Что ты сама расчесываешь детей и заставляешь их учить буквы.

— И что в этом плохого?

— Ничего. Просто это... не по-человечески для маркизы твоего круга.

Я встала. Разговор был окончен, но я чувствовала, что лед тронулся. — Мой «круг»

расширился, Герберт. И я не собираюсь сужать его обратно.

Выходя из кабинета, я столкнулась с Мэтром Гаспаром — управляющим поместьем. Это

был скользкий тип с тонкими усиками и бегающими глазами. Он всегда вызывал у

меня инстинктивное отвращение, такое же, какое вызывают вороватые завхозы.

— О, госпожа маркиза! — он приторно улыбнулся. — Как раз искал вас. Пришли новые

ткани из города, не желаете взглянуть? Чистый шелк!

— Ткани? — я остановилась. — Гаспар, насколько я помню, мы еще не оплатили

прошлую партию бархата.

Гаспар на мгновение потерял дар речи. Его улыбка стала похожа на застывшую

маску. — Но... госпожа всегда говорила, что такие мелочи не должны волновать

благородную даму...

— Благородная дама теперь очень волнуется за свой кошелек, Гаспар. Отправьте

ткани обратно. И подготовьте мне завтра к утру отчет по закупкам зерна за

последние три месяца. Я хочу видеть каждую копейку.

Управляющий побледнел. — Но... это займет время... счета в беспорядке...

— Значит, наведите порядок. У вас есть вся ночь.

Я прошла мимо него, чувствуя кожей его ненависть. Это было опасно. Наживать

врагов среди прислуги — плохая стратегия, но оставлять у кормушки вора я не

могла.

Вечером я снова спустилась на кухню. На этот раз там было тихо. Слуги разошлись,

осталась только Урсула. Она сидела у догорающего камина и... что-то писала на

клочке серой оберточной бумаги огрызком угля.

Я подошла неслышно. Мои мягкие домашние туфли не издавали звуков на каменном

полу.

«Недочеты в логистике подачи блюд», — прочитала я через её плечо. — «Пункт

первый: отсутствие маркировки на разделочных досках. Пункт второй:

нецелевое использование специй».

Я чуть не расхохоталась вслух. Боже, Ульяна Мироновна, вы неисправимы! Даже в

теле нищенки вы пишете докладную записку в никуда!

— Урсула, — позвала я.

Старуха вздрогнула и мгновенно спрятала бумагу в складках юбки. Она поднялась,

глядя на меня с подозрением и каким-то странным, лихорадочным блеском в

глазах.

— Что вам угодно, госпожа? — в её голосе не было смирения, только затаенная

ярость.

— Я заметила, что вы очень наблюдательны, — сказала я, подходя к столу и проводя

пальцем по чистой поверхности. — Вы находите ошибки в работе Берты.

— Я нахожу хаос там, где должен быть порядок, — отрезала Урсула. — Если бы я

была на её месте, этот замок сиял бы как...

— Как что?

— Неважно. Вы всё равно не поймете. Вы из тех, кто привык получать всё на

блюдечке.

Я присела на край стола. В полумраке кухни мы были одни. — Ошибаетесь, Урсула. Я

ценю порядок. Именно поэтому я оставляю вас здесь. Мне нужен человек, который

будет моими глазами на этой кухне. Берта ворует продукты, не так ли?

Урсула замерла. Её глаза сузились. Она явно взвешивала выгоду. — Ворует — это мягко сказано, — наконец прошипела она. — Она кормит половину деревни за ваш счет. Но что мне с того, если я вам об этом скажу? Что я получу, кроме лишней работы?

— Вы получите статус, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Я назначу вас помощницей управляющего по хозяйственной части. Вы будете проверять отчеты и следить за расходом припасов. У вас будет чистая комната и право отдавать распоряжения на кухне.

Старуха поперхнулась воздухом. В её глазах вспыхнула такая жажда власти, что мне стало почти жаль её. Этот наркотик для неё был сильнее еды.

— Почему я? — спросила она подозрительно. — Вы меня почти не знаете.

— Я вижу в вас родственную душу, Урсула, — я улыбнулась самой загадочной из своих улыбок. — Мы обе любим, когда всё идет по плану. Согласны?

— Согласна, — она выдохнула это слово как клятву.

Я уходила с кухни, чувствуя, как внутри ворочается холодный расчет. Я дала ей власть. Я позволила ей делать то, что она любит больше всего — контролировать и доносить. Теперь она будет занята Гаспаром и Бертой, а я смогу спокойно заниматься детьми и Гербертом.

Но была и другая причина. Я хотела видеть, как она будет меняться. Даст ли ей этот мир шанс стать человеком, или она так и останется функцией в юбке?

Ночью мне не спалось. Я вышла на балкон. Воздух был морозным, пахло снегом и вечностью. Из соседнего окна доносился тихий звук — кто-то играл на лютне.

Герберт. Мелодия была печальной и сложной, совсем не похожей на те бравурные марши, которые обычно играли в замке.

Я стояла и слушала, обняв себя за плечи. Пятый день подходил к концу. Я была маркизой, матерью, врагом управляющего и начальницей собственной свекрови.

— Ну что ж, Юлия Дмитриевна, — прошептала я в темноту. — Кажется, это ваш лучший учебный год. Главное — не завалить экзамен по истории любви. Потому что в этом предмете я всегда была двоечницей.

А внизу, в маленькой комнате для прислуги, Урсула-Ульяна бережно расправляла

свою «докладную записку». Она еще не знала, что её «невестка» стоит этажом выше. Она лишь чувствовала странное воодушевление. Она снова была в строю. Она снова была при должности. И она готова была сокрушить любого, кто встанет на её пути к порядку. Игра началась по-настоящему. И ставки в ней были выше, чем я могла себе представить.

Глава 6

Шестой день моего пребывания в теле маркизы Оливии де Валлон начался с запаха подгоревшей овсянки и пронзительного крика, доносившегося из кухонного крыла.

Я лежала в постели, глядя на тяжелые складки бархатного балдахина, и

чувствовала, как внутри меня медленно закипает профессиональное

раздражение. В прошлой жизни такой вопль означал либо драку в столовой,

либо то, что проверка из управления приехала на час раньше срока.

— Марта! — позвала я, садясь на кровати.

Служанка влетела в комнату с таким лицом, будто в замок ворвались кочевники. —

Ох, госпожа! Там эта... ваша новая подопечная, Урсула. Она Берту до инфаркта

доведеет! Требует какую-то «инвентаризационную опись черпаков» и говорит, что у

нас «нарушение санитарного режима». Берта за нож схватилась!

Я невольно улыбнулась. Ульяна Мироновна в своем репертуаре. Дай ей хоть клочок

бумаги и огрызок угля, и она превратит любую кухню в филиал министерства с

жестким графиком посещений.

— Велите Маркусу разнять их, — распорядилась я, накидывая теплый капот. — И

скажите, что я спущусь через пятнадцать минут. И пусть только попробуют

испортить завтрак маркизу.

Пока Марта суежилась с моими волосами, я разглядывала свое отражение. Молодость

— это все-таки потрясающий дар, который мы на Земле начинаем ценить только

тогда, когда он уходит. В свои сорок пять я тратила полчаса только на то,

чтобы «нарисовать» лицо, которое не пугало бы студентов. Здесь же кожа сияла

изнутри, а карие глаза Оливии приобрели ту глубину и спокойствие, которых у

прежней владелицы тела отродясь не было.

Я зашла к девочкам. Алиса и Беата уже сидели за маленьким столиком. Перед ними

лежали грифельные доски. Мой вчерашний урок не прошел даром — они старательно

выводили кружочки и палочки.

— Доброе утро, матушка! — Алиса вскочила, едва не опрокинув доску. — Посмотрите,

у меня получилось «О»!

— Умница. Порядок в буквах — порядок в мыслях, — я поцеловала их в макушки. —

Сегодня мы добавим новые звуки. Но сначала я должна усмирить вашу новую

знакомую на кухне.

Спускаясь вниз, я уже слышала голос Ульяны-Урсулы. Он гремел на весь холл,

перекрывая гул пламени в камине.

— ...потому что учет — это основа государственности! Если вы не знаете, сколько

у вас расходуется муки на одну единицу выпечки, вы не повара, вы — расхитители

собственности маркиза!

Я вошла в кухню в тот момент, когда Берта, багровая от ярости, замахнулась на

старуху тяжелым полотенцем. Урсула стояла, выпрямив спину, и смотрела на

повариху с таким ледяным презрением, что та невольно замерла.

— Достаточно! — мой голос хлестнул по помещению не хуже нагайки.

Все замерли. Поварята присели в поклонах, Берта шумно выдохнула, а Урсула

медленно повернула голову ко мне. В её глазах промелькнула искра. Она

ждала моей поддержки. Она была уверена, что я, как «руководитель», оценю её

рвение.

— Госпожа маркиза! — запричитала Берта. — Уймите вы её! Она житья не дает!

Заставляет записывать, сколько яиц мы в тесто кладем! Сказала, что у нас

«нецелевое использование жиров»! Да я двадцать лет здесь готовлю!

Я подошла к рабочему столу. Урсула стояла рядом, сложив руки на животе — её

любимая поза на совещаниях в департаменте. Даже в этом сером платье и чепце

она умудрялась транслировать ауру «проверяющего из центра».

— Урсула, — я посмотрела на неё спокойно. — Я дала вам поручение следить за

припасами, а не устраивать здесь революцию.

Старуха поджала губы. Этот жест... Боже, как часто я видела его на Земле! Когда

она считала, что я говорю глупость, или когда её сын, Валерий, пытался за меня

заступиться.

— Порядок не бывает частичным, госпожа, — отрезала она. — У вас тут черная дыра,

а не склад. Управляющий Гаспар и эта женщина обкрадывают вас. Я подготовила

проектной отчет по оптимизации закупок...

Она протянула мне клочок серой бумаги, исписанный мелким, каллиграфическим

почерком. Тот самый почерк, которым она выписывала мне выговоры за

«неправильное воспитание внука».

Я взяла бумагу. — Я изучу это позже. Берта, вернитесь к своим обязанностям.

Урсула, за мной.

Я вывела её в коридор, подальше от любопытных ушей. Мы остановились у окна, за

которым серая мгла Арденты начинала редеть, открывая вид на виноградники.

— Слушайте меня внимательно, — я перешла на пониженный тон, который обычно

использовала для самых тяжелых учеников. — Вы здесь без году неделя. Вы —

нищенка, которую я приютила из милости. Если вы настроите против себя весь

замок, я не смогу вас защитить. Даже если вы трижды правы в своих расчетах.

Урсула вдруг сделала шаг ближе. Её глаза, окруженные сетью морщин, впились в мое

лицо с какой-то пугающей пронизательностью. Она принялась, словно хищник.

— Странная вы, — прохрипела она. — Говорите как... как будто закончили курсы

высшего менеджмента. И интонации эти... Вы мне кого-то напоминаете, маркиза.

Кого-то очень неприятного из моей прошлой жизни.

У меня внутри всё заledenело. Педагогическая выдержка — единственное, что не

дало мне вздрогнуть.

— Ваша «прошлая жизнь» меня не касается, Урсула. В этой жизни вы — моя

подчиненная. И я советую вам сменить тон, если вы не хотите завтракать

в канаве за воротами.

— Да вы... да вы просто девчонка! — в ней снова вспыхнула Ульяна Мироновна. —

Красивая кукла! Вы и половины слов не понимаете из того, что я написала!

— «Дефицит бюджета поместья вследствие отсутствия системного контроля», —

процитировала я её записку, не глядя в текст. — «Пункт третий: ревизия

амбарных книг за последние два квартала». Я правильно поняла вашу мысль?

Урсула застыла. Её рот приоткрылся. Она смотрела на меня так, будто у меня на

голове внезапно выросли рога. Или нимб. Или диплом магистра.

— Откуда... — прошептала она. — Откуда у маркизы такие термины? Этого мира...

этого языка тут и в помине нет!

— Я много читаю, Урсула, — я вернула ей бумагу. — И я не люблю, когда меня

недооценивают. Ступайте. И ведите себя тише. Нам обеим нужно время, чтобы

освоиться.

Она ушла, пятясь, не сводя с меня глаз. Я видела, как в её мозгу, привыкшем к

сложным интригам, начали вращаться шестеренки. Она начала сомневаться. Она

начала искать. И я знала, что это вопрос времени, когда она сложит два и два.

Но пока... пока у меня была фора.

Завтрак с Гербертом прошел в странном напряжении. Он сидел напротив, в своем

неизменном черном камзоле, и читал какое-то донесение. Я же методично резала

сыр, чувствуя на себе его взгляд всякий раз, когда он поднимал глаза от

пергамента.

— Твоя подопечная — настоящая фурия, — сказал он наконец, откладывая письмо. —

Гаспар утром пришел ко мне с жалобой. Сказал, что старуха потребовала у него

ключи от винного погреба для «проверки остатков на балансе». Где ты её нашла,

Оливия? Она говорит на языке, который понятен только чиновникам из столицы, но

при этом одета как последняя бродяжка.

— Она — находка для нашего дома, Герберт, — я подняла на него взгляд. — Гаспар

ворует. Ты это знаешь, я это знаю. Но у тебя не было времени ловить его за

руку, а у Оливии... у прежней меня не было ума. Теперь у нас есть Урсула.

Пусть она будет цепным псом.

Герберт наклонился вперед, опираясь локтями о стол. Его лицо было совсем рядом,

и я почувствовала легкий аромат кедра и кожи — запах, который теперь

ассоциировался у меня с надежностью.

— «У прежней тебя»? — он зацепился за мои слова. — Ты всё чаще говоришь о себе в

прошедшем времени, как о другом человеке.

— Разве это плохо? Та женщина тебе не нравилась.

— Та женщина была предсказуема в своем эгоизме, — Герберт протянул руку и накрыл

мою ладонь своей. Его кожа была горячей и шероховатой. — Она была как яркая

птица: шума много, толку мало. А ты... ты как книга на незнакомом языке. Я

переворачиваю страницу и не знаю, что прочту в следующей главе.

Мое сердце предательски ускорило бег. Боже, Юлия Дмитриевна, вам сорок пять лет,

у вас за плечами четверть века брака с человеком, который никогда не смотрел на

вас так. От этого взгляда по телу разливалось томительное тепло, которое не

имело ничего общего с педагогикой.

— Надеюсь, это интересное чтение? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Затягивающее, — ответил он, и его большой палец медленно погладил мою ладонь.

— Оливия, я... я отменил встречу с нотариусом. Ту самую, по поводу раздельного

проживания.

Я замерла. Это была победа. Маленькая, но фундаментальная. — Почему?

— Хочу дочитать книгу до конца, — он улыбнулся, и эта редкая улыбка преобразила

его суровое лицо, сделав его невероятно привлекательным. — Но учти: если это

игра, и ты просто выманиваешь у меня деньги на новые наряды, финал тебе не

понравится.

— Наряды меня сейчас волнуют меньше всего, — я мягко высвободила руку. — Мне

нужно в библиотеку. Гаспар «случайно» перепутал счета за фураж, и я хочу

показать ему разницу между овсом и пшеницей.

Герберт рассмеялся — открыто и громко. — Боги, я бы отдал десять золотых, чтобы

увидеть лицо Гаспара в этот момент. Иди. Но помни: вечером к нам заедет

Себастьян. Сосед. Ты ведь помнишь его?

При упоминании этого имени у меня внутри возник неприятный холодок. Себастьян.

Тот самый «друг» Оливии, который снабжал её сплетнями и, судя по письмам,

чем-то большим.

— Помню, — ответила я сухо. — Я приму его. Но не думаю, что наша встреча будет

долгой.

В библиотеке я провела несколько часов. Работа с цифрами успокаивала. Я

составила таблицу расходов — простую и прозрачную, как контрольная

работа по математике. Гаспар, зашедший за распоряжениями, позеленел, увидев

мои выкладки. Он пытался что-то лепетать про «усушку и утруску», но я просто

выставила его за дверь, велев пересчитать запасы зерна к утру.

После полудня я решила проверить, как там Урсула.

Я нашла её в прачечной. Она сидела на скамье, тяжело дыша — возраст и тяжелая

работа в этом мире давали о себе знать. Увидев меня, она не вскочила. Она

просто смотрела, как я подхожу.

— Устали? — спросила я, присаживаясь на край чистого стола.

— Эта жизнь... она несправедлива, — вдруг сказала старуха. Её голос был лишен

привычной агрессии. — Там я была всем. Моё слово было законом. А здесь я

должна выслушивать поучения от жирной бабы, которая не знает разницы между

дебетом и кредитом.

Она посмотрела на свои красные, распухшие руки. — Юлька бы порадовалась, — вдруг

добавила она, и мое сердце пропустило удар. — Невестка моя. Я её ненавидела.

Училка нищая. Вечно смотрела на меня своими правильными глазами, как будто я

— грязь под её ногтями. А ведь я для семьи старалась! Для Валерки!

Я молчала, боясь спугнуть этот момент откровения. Ульяна Мироновна впервые

говорила то, что думала, не прячась за должностными инструкциями.

— А теперь я сама — грязь, — продолжала она. — И вы, маркиза... Вы смотрите так

же. Один в один. Те же интонации, тот же ледяной тон. Если бы я не знала, что

Юлька сдохла в той машине, я бы подумала...

Она резко замолчала и уставилась на меня. Её глаза расширились.

— Но это невозможно, — прошептала она. — Вы молодая. Красивая. Вы —

аристократка. Но откуда... откуда вы знаете про «оптимизацию»? Этого

слова нет в этом мире! Я спрашивала у священника утром — он на меня как на

безумную посмотрел!

— В мире много странных слов, Урсула, — я встала. — И иногда люди возвращаются

совсем не такими, какими мы их помним. Отдыхайте. Вечером у нас гости, и я

хочу, чтобы на кухне всё было безупречно.

Я уходила, чувствуя, как у меня горят щеки. Она догадывается. Её чиновничье

чутье, заточенное на поиск скрытых смыслов, начало работать против меня. Но

она не была уверена. Ей казалось это безумием — и это было моим главным щитом.

Вечер пришел вместе с шумом кареты и фальшивым смехом лорда Себастьяна. Когда я вошла в гостиную, Себастьян уже развалился в кресле, потягивая вино. Это

был мужчина того типа, который я всегда презирала: холеный, с масляными глазами и слишком сладкой улыбкой. При моем появлении он вскочил и попытался поймать мою руку, чтобы запечатлеть на ней поцелуй.

— Оливия! Душа моя! Вы выглядите... иначе. Словно расцветший бутон, который

наконец осознал свою силу.

Я изящно отстранилась, лишь слегка кивнув ему. Герберт стоял у камина, и я

видела, как он сжал челюсти.

— Лорд Себастьян. Рада, что вы заглянули, — голос мой был холодным. — Но боюсь,

я не смогу уделить вам много времени. У меня дети, уроки...

— Уроки? — Себастьян рассмеялся, обнажая ровные белые зубы. — Вы и уроки — это

самая забавная шутка месяца! Помните, как вы говорили, что дети — это досадная

помеха вашим развлечениям? Неужели Герберт всё-таки запер вас в этой башне, и вы

решили поиграть в добродетель?

Я почувствовала, как в комнате сгустилась тишина. Герберт сделал шаг вперед, но

я опередила его.

— Люди растут, Себастьян. А некоторые — деградируют. Я вижу, вы всё еще

предпочитаете сплетни реальным делам. Если вы приехали обсудить мои

«игры», то боюсь, вам пора. У нас в доме теперь новые правила. Одно из них —

уважение к хозяевам.

Себастьян осекся. Его улыбка сползла, обнажая мелкую, неприятную натуру. — Вот

как? Ну что ж... Надеюсь, ваши «новые правила» помогут вам, когда ваши старые

долги постучатся в дверь.

Он повернулся к Герберту: — Маркиз, ваша жена стала на редкость скучной.

Пожалуй, я поеду. В столице женщины куда приятнее.

Когда за ним закрылась дверь, Герберт долго молчал. А потом он подошел ко мне.

Очень близко.

— Ты выставила его, — сказал он, и в его голосе слышалось странное облегчение. —

Раньше ты часами шепталась с ним по углам.

— Раньше я не умела выбирать друзей, — ответила я, глядя ему в глаза. — А теперь

я знаю: лучше быть одной, чем с тем, кто видит в тебе только способ развлечься. Герберт вдруг протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были нежными,

вопреки его суровой внешности. — Ты удивительная женщина, Оливия. Я не

знаю, какой бог сотворил с тобой это чудо, но я... я благодарен ему.

В этот момент я поняла: я влюбилась. В собственного «мужа», в человека из

другого мира, в мужчину, который наконец увидел меня. Не Оливию, а Юлию.

Мою душу.

Но идиллия была нарушена. С кухни раздался грохот разбитой посуды и

пронзительный крик Берты: — Да ты что творишь, старая ведьма?!

Зачем ты соль в варенье сыплешь?!

Я вздохнула. Шестой день заканчивался. Моя свекровь явно решила перейти к

активным действиям. И я знала, что завтра мне придется решать новую

педагогическую задачу: как не дать Урсуле отравить весь замок в попытке

«оптимизировать» наши запасы соли.

— Пойду разберусь, — сказала я Герберту.

— Я с тобой, — он взял меня за руку. — Кажется, твоя «находка» скоро оставит нас

без ужина.

Мы шли по коридору, и я чувствовала, как тепло его ладони передается мне. Я

знала, что впереди еще много трудностей. Знала, что Урсула будет копать под

меня. Знала, что прошлое Оливии еще не раз напомнит о себе. Но сейчас, здесь, я

была счастлива.

Потому что настоящий педагог знает: даже самый сложный урок можно пройти, если у

тебя есть тот, кто верит в твой успех. И кажется, мой главный ученик — этот

суровый маркиз — уже начал делать первые успехи.

А Урсула... Урсула подождет. В конце концов, у меня еще осталась пара приемов из

школьной программы, против которых не устоит ни одна свекровь. Даже та, что

умеет составлять графики инвентаризации в другом мире.

Глава 7

Кухонный чад, пропитавший холл после вечернего скандала с солью, к утру сменился запахом морозного камня и свежей выпечки. Я стояла у окна в своих покоях, наблюдая, как первые лучи солнца цепляются за шпиль замка. В прошлой жизни я всегда считала, что утро — это время для планирования, но здесь, в теле маркизы де Валлон, утро превратилось в поле боя за здравомыслие. Седьмой день. Ровно неделя, как я сменила школьную указку на статус, который пока сидел на мне, как платье с чужого плеча — красиво, дорого, но жмет под лопатками.

— Госпожа, воды принесли, — голос Марты вывел меня из оцепенения. Служанка теперь входила в комнату тихо, без прежнего грохота и вызывающего взгляда. Педагогика — штука универсальная: если ты один раз четко обозначил границы, даже самый нерадивый «ученик» начинает их уважать.

— Поставь здесь, Марта. И принеси корзину с вещами девочек. Самую большую. Я умылась ледяной водой, чувствуя, как каждая клетка молодого тела Оливии отзывается бодростью. Это тело было роскошным сосудом, который прежняя владелица использовала только для того, чтобы пить вино и примерять жемчуг. Я же собиралась наполнить его содержанием.

После завтрака с детьми — Алиса и Беата уже привыкли к тому, что матушка проверяет чистоту ногтей и не разрешает болтать ногами под столом — я спустилась на хозяйственный двор.

Замок — это не только балы и реверансы. Это огромный, неповоротливый механизм, где каждый винтик норовит украсть лишнюю каплю масла. И моим главным «неисправным винтиком» была Урсула.

Я нашла её у прачечных чанов. Воздух здесь был тяжелым от пара и едкого запаха щелока. Огромные женщины с красными от горячей воды руками ворочали тяжелые простыни деревянными веслами. Урсула стояла чуть поодаль, безразлично прижимая к носу серый платок. Даже в обносках она умудрялась выглядеть так, словно

проводила инспекцию на заводе, который вот-вот закроют за

нерентабельность.

— Урсула, — позвала я.

Старуха вздрогнула и обернулась. На её лице мгновенно проступила та самая маска,

которую я видела на Земле тысячи раз: смесь высокомерия и готовности к атаке.

Она всё еще не понимала, где находится, но инстинктивно пыталась доминировать

над пространством.

— Явились, — прохрипела она, забыв о реверансе. — Посмотрите на этот хаос! Они

используют холодную воду для первого полоскания. Это же дикость! Ткань

портится, расход мыла увеличивается...

— Урсула, — я пресекла её тираду спокойным жестом. — Ваше мнение о технологии

стирки крайне ценно, но сейчас у вас будет другая задача.

Я указала на корзину, которую принес слуга. В ней лежали детские сорочки, чулки

и платица Алисы и Беаты. Вещи были из дорогой ткани, но застиранные, с серым

налетом — следствие того, что Гретта, прежняя няня, никогда не утруждала себя

качественным уходом.

— Эти вещи принадлежат моим дочерям, — я подошла ближе, чувствуя, как внутри

ворочается холодное, острое удовлетворение. — Я хочу, чтобы вы выстирали их

сами. Вручную.

Урсула замерла. Её глаза расширились. — Я? — она ткнула пальцем в свою грудь. —

Сама? Эти тряпки? Вы в своем уме, маркиза? Я — женщина с образованием! Я не

прачка!

— В этом мире, Урсула, ваше образование — это ваше умение быть полезной.

Старуха задохнулась от возмущения. Она подошла ко мне вплотную, и от неё пахло

кислым паром и старой обидой.

— Что ты смыслишь в заботе, девчонка? — прошипела она. — У меня в подчинении

были сотни людей! Я решала судьбы школ! А ты хочешь, чтобы я терла об доску

зассанные подштанники?!

Я не отступила. В моей голове всплыл образ Артема, моего сына. Ульяна Мироновна

никогда не брала его на руки, если он был испачкан. Никогда не стирала его

вещи, считая это ниже своего достоинства. Она была «над бытом», предоставляя мне право возиться в грязи.

— Именно этого я и хочу, — ответила я ледяным тоном. — Вы будете стирать их, пока они не станут белыми, как снег на вершинах гор. Без щелока, который портит нежную кожу детей. Только мыльный корень и ваши руки. Это — цена вашего пребывания в замке. Милосердие маркиза де Валлона имеет пределы, а моё терпение — тем более.

Урсула смотрела на корзину так, словно там лежали ядовитые змеи. Её пальцы, скрюченные артритом, непроизвольно сжались в кулаки.

— Ты... ты просто издеваешься, — выдохнула она. — Ты получаешь удовольствие, видя меня в этой грязи.

— Я получаю удовольствие от чистоты, Урсула. Приступайте. Через три часа я приду проверить работу. Если сорочки останутся серыми — обедать вы будете только водой.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя, как в спину мне летит невысказанное проклятие. Это было жестко. Возможно, даже жестоко для «хорошего педагога».

Но я знала: чтобы человек начал меняться, его нужно вырвать из привычной системы координат. Ульяна Мироновна должна была понять, что в этом мире она — не «официальное лицо», а функция. И эта функция начинается с чистоты детского белья.

В коридоре замка я столкнулась с Гербертом. Он стоял, прислонившись к стене, и в его руках была какая-то старая карта. Судя по всему, он наблюдал за сценой из окна.

— Ты даешь ей странные поручения, Оливия, — сказал он, выпрямляясь. — Прачки справятся с этим в десять раз быстрее. Зачем мучить старуху? Она еле дышит над этим чаном.

— Ей полезно, Герберт. Это... трудотерапия, — я остановилась рядом, чувствуя исходящий от него аромат кедра. — Она слишком много думает о своем величии и слишком мало — о реальности.

Герберт усмехнулся, но его взгляд оставался серьезным. — Ты стала удивительно рациональной. Иногда мне кажется, что в тебя вселился дух какого-нибудь сурового застройщика или... учителя начальных классов. Я вздрогнула, но быстро справилась с лицом. — Возможно. Но посмотри на это с другой стороны: дети увидят, что их вещи важны. Что за ними ухаживают. Это создает у них чувство защищенности. Герберт сделал шаг ко мне. Пространство между нами сократилось до опасного минимума. Я видела каждую темную ворсинку на его камзоле, видела, как пульсирует жилка на его шее. — Ты заботаешься об их «чувстве защищенности»? — его голос стал тише. — Раньше ты заботилась только о том, чтобы их нянька не мешала тебе спать после попойки. Что ты делаешь со мной, Оливия? Я должен тебя ненавидеть. Я семь лет тренировался это делать. А сейчас... Он протянул руку и медленно, почти невесомо, провел кончиками пальцев по моей щеке. Сердце предательски ухнуло вниз. Сорокапятiletняя Юлия внутри меня кричала: «Держи дистанцию! Ты здесь по делу!». Но двадцатипятилетняя Оливия жадно впитывала это прикосновение. — Сейчас — что? — спросила я, и мой голос прозвучал предательски хрипло. — Сейчас я хочу верить, что всё это правда, — он резко отстранился, словно обжегся. — Но бумаги от нотариуса всё еще лежат у меня в столе. Помни об этом. Он ушел, оставив меня одну в холодном коридоре. Я прижала ладонь к щеке. Кожа горела. Через три часа я вернулась в прачечную. Картина была эпичной. Урсула сидела на низком табурете, её лицо было багровым от пара и злости. Перед ней стоял таз, в котором плавали сорочки Алисы. Она терла ткань о деревянную доску с таким остервенением, словно пыталась стереть саму ткань из реальности. — Время вышло, Урсула, — сказала я, подходя ближе. Старуха подняла голову. Её глаза слезились от едкого мыла, прядь седых волос прилипла ко лбу. — На! Смотри! — она выхватила сорочку из воды и швырнула её

на стол. — Белая? Достаточно белая для твоего величества? Я стерла руки в кровь!

Довольна?

Я взяла мокрую ткань. Сорочка действительно сияла белизной. Урсула применила

какой-то старый метод — возможно, добавила каплю синьки или просто терла с

неистовостью отчаяния.

— Хорошо, — я отложила вещь. — Теперь развесьте их сушиться на солнце. А

вечером... вечером вы придете ко мне в покои.

Урсула подозрительно прищурилась. — Зачем? Еще пороть будешь?

— Нет. Я дам вам нормальное мыло и мазь для рук. Вы плохо выглядите, Урсула. А

мне в замке не нужны ходячие привидения. И еще — повариха Берта оставила вам

порцию жаркого. Идите поешьте.

Старуха замерла. Её лицо на мгновение дрогнуло, словно она собиралась заплакать,

но гордыня мгновенно зацементировала черты.

— Мне не нужны твои подачки! — выплюнула она.

— Это не подачка. Это зарплата за выполненную работу. Учитесь принимать плату с

достоинством, — я развернулась и вышла.

В тот вечер в замке было необычайно тихо. Дети уснули рано — мы долго гуляли в

саду, и я рассказывала им сказку про «умную Золушку», которая не ждала фею, а

сама выучила три языка и стала министром финансов. Девочки слушали, раскрыв

рты.

Уже перед самым сном, когда я сидела у камина с книгой по истории Арденты, в

дверь поскреблись. — Войдите.

Это была Урсула. Она выглядела изможденной. Она переоделась в чистое, но грубое

платье, её руки были обмотаны какими-то тряпками.

— Пришла за мазью, — буркнула она, не поднимая глаз.

Я указала на стол, где стояла баночка с целебным составом и кусок дорогого мыла

с ароматом роз. — Берите. И сядьте, Урсула.

Она нехотя опустилась на край кресла, глядя на меня с нескрываемой

подозрительностью. В этот момент, в свете камина, она была так

похожа на ту Ульяну Мироновну, которая сидела в моей кухне и поучала меня

варить борщ, что у меня перехватило дыхание.

— Расскажите мне о себе, — сказала я, закрывая книгу. — Кем вы были до того как постучались к нам в дом?

Старуха горько усмехнулась. — Какая тебе разница, маркиза? Ты — наверху, я —

внизу. Там я была силой. Моё имя знали в высоких кабинетах. Я жила в

достатке, у меня был сын, внук... — она замолчала, и в её глазах мелькнула

тень настоящей боли. — А потом... вспышка. Боль. И я здесь. В теле старой карги.

— А ваш сын? Ваша невестка? — я подалась вперед.

— Невестка? — Урсула сплюнула в сторону камина. — Ничтожество. Училка с вечно

поджатыми губами. Юлька. Она погубила моего сына. Заставила его развестись,

требовала квартиру... В день, когда всё случилось, я прокляла её. И знаешь что?

Я не жалею. Если она сдохла в той аварии — туда ей и дорога.

Я слушала это, и внутри меня всё превращалось в лед. Она не жалела. Даже потеряв

всё, даже оказавшись в другом мире, она продолжала ненавидеть ту, кто кормил её

и терпел двадцать пять лет.

— Вы злая женщина, Урсула, — тихо сказала я.

— Я — сильная женщина! — огрызнулась она. — Сильных всегда называют злыми те,

кто слабее. Ты вон тоже... строишь из себя святошу, а сама заставила старуху

корыто ворочать. Чем ты лучше меня?

— Тем, что я дала вам работу и еду, а не проклятие, — я встала, давая понять,

что аудиенция окончена. — Забирайте мазь и уходите. Завтра у вас новый фронт

работ — нужно разобрать старые сундуки в кладовой. Там много пыли. Как раз для

ваших «организаторских способностей».

Когда она ушла, я долго смотрела на огонь. Цена моего милосердия была высока. Я

дала врагу приют, зная, что она никогда не оценит этого. Но я была педагогом. А

настоящий педагог знает: даже если почва отравлена, нужно продолжать сеять. Либо

вырастет что-то новое, либо сорняк окончательно поглотит сам себя.

Но был еще один вопрос, который не давал мне покоя. И почему Герберт смотрит на меня так, словно видит в моих глазах не Оливию, а кого-то, кого он всегда мечтал встретить, но боялся

признаться в этом даже самому себе?

Седьмой день закончился запахом розового мыла и горьким привкусом прошлого. Я

легла в постель, чувствуя, как за окном начинает шуметь ветер. — Работа над ошибками продолжается, — прошептала я, закрывая глаза. Завтра мне предстояло разобраться с Мэтром Гаспаром. И, кажется, мне понадобится вся «чиновничья хватка» моей новой прачки, чтобы вывести вора на чистую воду. Мы будем работать вместе, Ульяна Мироновна. Вы даже не представляете, насколько тесно мы теперь связаны.

Глава 8

Восьмой день моего пребывания в теле маркизы де Валлон начался с запаха чернил и застарелой пыли. Если кто-то и думал, что жизнь аристократки — это сплошные примерки диадем и неспешные прогулки по саду, то он никогда не был завучем в обычной городской гимназии. Там я научилась главному: любая власть стоит ровно столько, сколько порядка она способна навести в отчетных документах. Я сидела в кабинете, который когда-то принадлежал деду Герберта. Это была мрачная комната с высокими книжными полками, где корешки фолиантов напоминали зубы старого хищника. Передо мной на массивном дубовом столе лежали три амбарные книги, пахнущие плесенью и мышами.

— Марта, — позвала я, не поднимая глаз от цифр. — Скажи Мэтру Гаспару, что я жду его через десять минут. И принеси мне еще одну свечу. Здесь темно, как в подвалах инквизиции.

Служанка, которая в последнее время передвигалась по замку на цыпочках, кивнула и исчезла.

Я провела пальцем по колонке цифр. Мэтр Гаспар, управляющий поместьем, был классическим типом «вороватого завхоза». Таких я видела десятками: они всегда улыбаются слишком широко, пахнут дорогим табаком, купленным на казенные деньги, и имеют удивительную способность «терять» счета именно тогда, когда у школы... то есть у поместья, заканчивается бюджет.

Но в этот раз у Гаспара была серьезная проблема. У него была я. И у него была Урсула.

Вчера вечером я велела старухе разобрать архивы в кладовой. Формально — чтобы найти старые скатерти, фактически — я знала, что её чиновничий нос почует запах финансовых махинаций быстрее, чем ищейка чует дичь. И я не ошиблась.

Сегодня утром на моем столике лежала записка, нацарапанная углем на обрывке серой бумаги: «Зерно за август списано дважды. Поставки фуража в южные

конюшни завышены втрое. Вор должен сидеть в яме».

Узнаю почерк Ульяны Мироновны. Она могла простить измену, но никогда не прощала

нецелевое расходование средств.

Дверь кабинета скрипнула, и в комнату вошел Гаспар. Он выглядел как обычно:

холеный, в камзоле из тонкого сукна, с лицом, лоснящимся от уверенности в

собственной незаменимости.

— Доброе утро, госпожа маркиза, — он отвесил изящный поклон, в котором сквозила

едва скрытая насмешка. — Марта сказала, вы интересовались отчетами. Боюсь, для

нежных дамских глаз эти скучные цифры будут слишком утомительны. Может быть,

лучше обсудим поставку нового шелка из столицы? Я как раз договорился о

скидке...

Я медленно подняла взгляд. В классе такой взгляд обычно предвещал вызов

родителей в школу и лишение премии одновременно.

— Сядьте, Гаспар, — я указала на жесткий стул напротив стола. — И забудьте про

шелк. Мы будем говорить о фураже.

Гаспар на мгновение замер. Его улыбка не исчезла, но стала похожа на застывшую

маску. — О фураже? Но, госпожа, это такие мелочи...

— Шестьсот золотых ливров — это не мелочи, Гаспар. Это годовое содержание пяти

гарнизонов или, если вам так понятнее, стоимость того самого шелка, которым вы

пытаетесь отвлечь мое внимание.

Я развернула к нему книгу и ткнула пальцем в запись от пятнадцатого августа. —

Здесь указано, что мы закупили пятьдесят мешков овса высшего сорта у вдовы

Марни. Вот только вдова Марни умерла еще в июне, а её сын утверждает, что

поместье де Валлон не покупало у них ни зернышка за последние два года. Куда

делись деньги, Гаспар?

Управляющий побледнел. По его лбу скатилась крупная капля пота, и он внезапно

стал выглядеть не как вальяжный аристократ, а как мелкий жулик, пойманный за

руку в раздевалке.

— Это... это, должно быть, техническая ошибка... — пролепетал он, вытирая лицо

платком. — Писарь перепутал... я всё проверю...

— Писарь не перепутал, — я захлопнула книгу с сухим, хлестким звуком. — Вы воруете у маркиза уже три года. Пользуясь тем, что он на войне, а его жена... — я сделала паузу, — была слишком занята собой, чтобы заглядывать в счета.

— Госпожа... Оливия... — Гаспар попытался вскочить, в его глазах вспыхнул гнев вперемешку с паникой. — Вы не можете... Маркиз мне доверяет! Кто вы такая, чтобы обвинять меня?!

— Я — хозяйка этого дома, — ответила я, вставая. Рост Оливии позволял мне смотреть на него почти наравне. — И прямо сейчас у вас есть два варианта.

Первый: вы возвращаете все украденное за последний год в казну поместья и уходите прочь по доброй воле. Второй: мы ждем Герберта, я показываю ему эти расчеты, и вечер вы проводите в городской тюрьме.

— Вы блефуете! — Гаспар подался вперед, его лицо исказилось. — Герберт не поверит вам. Вы — пустышка! Кукла! Он спит и видит, как отправить вас в ссылку!

— Именно поэтому я здесь, Гаспар. Мне нечего терять. А вам?

В этот момент дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял Герберт. Он был в дорожном костюме, сапоги в пыли, в руках — хлыст. Судя по всему, он только

что вернулся с объезда границ и зашел в кабинет, услышав наш разговор.

— О чем спор? — его голос прозвучал низко и угрожающе.

Гаспар бросился к нему, как к спасительному кругу. — Господин маркиз! Ваша жена...

она сошла с ума! Она обвиняет меня в воровстве! Она требует деньги! Это возмутительно!

Герберт проигнорировал его. Он смотрел на меня. Его взгляд медленно переместился

с моего лица на раскрытые книги, а затем на мои пальцы, испачканные в чернилах.

— Оливия? — спросил он, и в его интонации я услышала не гнев, а странное, почти болезненное любопытство.

Я молча придвинула к нему амбарную книгу и листок с выписками, которые

подготовила (с негласной помощью «эксперта» Урсулы). — Посмотри сам,

Герберт. Раздел за август и сентябрь. Сопоставь закупки с реальным поголовьем

лошадей. Мэтр Гаспар считает, что наши кони едят золотую пыль вперемешку с овсом.

Герберт взял бумаги. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Гаспара и сухим треском поленьев в камине. Маркиз читал быстро. Он был воином, но воины знают цену снабжения. От этого зависит победа или поражение.

С каждой секундой лицо Герберта становилось всё мрачнее. Он медленно поднял голову и посмотрел на управляющего.

— Вдова Марни? — тихо спросил он. — Гаспар, я лично проезжал мимо её фермы неделю назад. Там всё заросло бурьяном.

— Господин... я объясню... — Гаспар попятился к двери.

— Стража! — рявкнул Герберт так, что подпрыгнула даже я.

Через секунду двое гвардейцев ввели дрожащего управляющего под руки. Герберт подошел к нему вплотную. — Ты крал у моих солдат. Ты крал у моих дочерей.

Завтра на рассвете тебя доставят к королевскому прокурору. Уведите его. Когда за ними закрылась дверь, в кабинете стало очень тихо. Я опустилась в кресло, чувствуя, как мелко дрожат колени. Педагогическая выдержка — это

хорошо, но адреналин молодого тела никто не отменял.

Герберт подошел к столу. Он положил руки на дубовую поверхность и склонился над книгами. — Как ты это нашла? — спросил он, не глядя на меня. — Ты никогда не смыслила в бухгалтерии.

— Я просто умею читать, Герберт. И я не люблю, когда меня считают дурой.

Он поднял глаза. Теперь он был совсем рядом. Его взгляд больше не был ледяным. В нем было что-то новое — уважение, смешанное с густым, почти осязаемым влечением. — Ты удивительная, — сказал он негромко. — Ты за неделю сделала то, на что у

меня не хватало времени годами. И эта старуха на кухне... это ведь она тебе помогла? Я видел, как она ошивалась у архивов.

— Урсула обладает специфическим талантом к поиску нарушений, — я позволила себе слабую улыбку. — Мы нашли общий язык.

Герберт внезапно протянул руку и коснулся моих пальцев, перепачканных чернилами.

Он не отдернул руку, как раньше. Напротив, он медленно поднес мою ладонь к своим

губам и коснулся губами чернильного пятна на среднем пальце.
Меня словно прошило током. Сорокапятилетняя Юлия Дмитриевна внутри меня

оцепенела от неожиданности, а двадцатипятилетняя Оливия почувствовала,

как по телу разливается жар.

— У тебя чернила на руках, маркиза, — прошептал он, глядя мне в глаза. — Это

самые красивые украшения, которые я видел на тебе за все эти годы.

— Герберт... — я попыталась высвободить руку, но он не отпустил.

— Я был идиотом, Оливия. Я смотрел на тебя и видел только красивую обертку,

внутри которой была пустота. Но сейчас... я не знаю, кто ты. Но я хочу это

узнать.

Он потянулся ко мне. Я видела его лицо, его губы — совсем близко. В моей голове

промелькнули кадры из прошлой жизни: Валерий с его вечными оправданиями, Ульяна

Мироновна с её ядом... И этот мужчина, который пах кедром и честностью.

Дверь резко распахнулась. — Матушка! Матушка, посмотрите, что нам дала бабушка

Урсула!

В кабинет влетели Алиса и Беата. Они размахивали какими-то забавными фигурками,

сплетенными из соломы. Герберт мгновенно отстранился, выпрямляясь, но его

взгляд еще секунду горел тем самым огнем, от которого у меня перехватывало

дыхание.

— Бабушка Урсула? — я присела, обнимая дочерей. — Откуда у вас это?

— Она была в саду! — радостно крикнула Беата. — Она сказала, что это «наглядное

пособие по народным промыслам»! И что если мы будем хорошо учить буквы, она

научит нас плести корзинки!

Я невольно рассмеялась. Ульяна Мироновна, «бабушка Урсула»... Какая ирония!

Женщина, которая на Земле отталкивала собственного внука, здесь начала

возиться с чужими детьми, используя педагогические термины. Видимо, лишение

статуса подействовало на неё лучше, чем любые курсы повышения квалификации.

— Идите играть, милые, — сказала я, целуя их в макушки. — Только не мешайте на

кухне.

Когда дети убежали, Герберт снова посмотрел на меня. Напряжение в комнате стало

другим — более теплым, домашним.

— Ты сделала этот дом живым, — сказал он. — Всего за неделю.

— У нас впереди еще много работы, — я встала, поправляя юбки. — Гаспар был не

единственной проблемой. Нужно проверить склады и...

— К черту склады, Оливия, — он сделал шаг ко мне, и на этот раз его руки легли

мне на талию. — Завтра мы поедem в город. Вдвоем. Без Гаспара, без счетов и

без твоей «бабушки Урсулы».

— Зачем?

— Затем, что я хочу пригласить свою жену на свидание. Впервые за семь лет нашего

брака.

Я смотрела на него и понимала: мой план «выжить в ссылке» только что

окончательно провалился. Вместо ссылки меня ждало что-то гораздо

более опасное и захватывающее.

— Я согласна, Герберт, — ответила я.

Вечером я зашла в прачечную. Урсула сидела у огня, её руки были в мази, которую

я ей дала. Она выглядела изможденной, но в её взгляде больше не было той

загнанной злобы.

— Гаспара увезли, — сказала я, присаживаясь рядом.

Старуха кивнула. — Вор должен сидеть в яме. Я же говорила. У него в записях был

бардак. Любой первокурсник бы заметил.

Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнула странная, почти человеческая

искорка. — Ты... ты сегодня выглядишь иначе. Щеки горят. Маркиз, что ли,

похвалил?

— Похвалил, — я улыбнулась. — Спасибо за наводку в архивах, Ульяна... Урсула.

Старуха вздрогнула при звуке своего старого имени, но я произнесла его так тихо,

что оно смешалось с треском поленьев. Она долго смотрела на меня, а потом вдруг

хмыкнула.

— Иди уже, «маркиза». И передай поварихе, чтобы завтра не пересаливала рагу. У

неё рука тяжелая, как у моей покойной сватьи.

Я уходила, чувствуя, как ночная прохлада замка освежает лицо. Восьмой день

закончился. Блок адаптации был завершен. Впереди была новая глава — та,

где мне предстояло не просто наводить порядок, а учиться чувствовать заново.

И, честно говоря, этот урок пугал меня гораздо сильнее, чем любая ревизия

складов. День закончился, оставив после себя запах чернил, обещание свидания и странное, почти невозможное чувство: я была на своем месте.

Глава 9

Девятый день в Арденте начался с того, что я обнаружила у себя во рту вкус победы, смешанный с привкусом старого железа. План «выживания», который я набросала в голове в первый день, превращался в стратегию развития целого региона.

Утро выдалось ясным, из тех редких осенних дней, когда солнце еще греет, но воздух уже пахнет предстоящими холодами. Я стояла в большой столовой, наблюдая, как слуги под моим присмотром натирают воском массивный стол.

Сегодняшний ужин должен был стать итоговой чертой под первой неделей моей новой жизни. Я официально пригласила Герберта отужинать вместе с детьми — впервые за всё время его пребывания в замке.

— Матушка, а если я уроню вилку, меня отправят в угол? — Беата испуганно смотрела на тяжелые серебряные приборы, которые казались в её маленьких руках орудиями пытки.

Я присела перед ней, поправляя выбившуюся золотистую прядь. Беата и Алиса сегодня выглядели как маленькие фарфоровые статуэтки: в чистых платьях, с аккуратно заплетенными косами.

— Нет, милая. Если ты уронишь вилку, ты просто попросишь слугу принести чистую.

Ошибаться — не стыдно. Стыдно не хотеть учиться. Мы учимся манерам не для того, чтобы быть важными, а для того, чтобы нам самим было удобно и красиво.

Девочки закивали. За последние три дня они научились доверять моему спокойному

тону больше, чем собственным страхам. Педагогика — это в первую очередь

предсказуемость. Если ребенок знает, что за ошибку не последует удар, он

начинает творить.

— Марта, — я повернулась к служанке, — проследите, чтобы на столе не было этих тяжелых заморских специй. Только то, что выросло в наших садах. И

проконтролируйте Урсулу. Она сегодня помогает на подаче.

Марта скривилась при упоминании старухи. — Госпожа, эта ведьма... она вчера довела

Берту до того, что та заперлась в кладовой и плакала. Урсула заявила, что у нас

«недопустимый уровень шума в производственном помещении».

Я сдержала улыбку. Ульяна Мироновна не сдавалась. Она пыталась регламентировать

даже кухонную брань.

— Пусть Берта потерпит. Урсула полезна. А её характер... ну, считайте это

стихийным бедствием, которое нужно переждать под крышей.

К вечеру замок преобразился. Я велела зажечь все свечи в столовой. Огонь дрожал

в хрустальных подвесках люстры, отражался в темном дереве панелей. Я выбрала

платье цвета «грозового неба» — серо-голубое, из плотного шелка, с высоким

воротником и скромной вышивкой. Никаких декольте Оливии, никакого вызывающего

блеска. Сегодня я была не «добычей» и не «украшением», а хозяйкой дома.

Герберт вошел ровно в семь. Он сменил дорожный камзол на черный бархатный

дублет, который подчеркивал его широкие плечи и странную, почти хищную

грацию. Его взгляд мгновенно нашел меня, а затем переместился на детей.

Он замер в дверях.

— Это... — он запнулся, глядя на дочерей, которые синхронно сделали безупречный

реверанс. — Оливия, что ты с ними сделала? Они выглядят так, будто их

подменили.

— Я просто уделила им время, Герберт, — я подошла к нему, чувствуя, как внутри

всё замирает от близости этого мужчины. — Оказывается, если с детьми

разговаривать, они начинают понимать человеческую речь. Присаживайся.

Ужин начался в непривычной для этого дома тишине. Не было криков, не было звона

разбитых бокалов, которыми обычно сопровождалась трапезы Оливии. Девочки

старательно пользовались салфетками, шепотом просили передать хлеб и

поглядывали на меня за одобрением.

Герберт ел мало. Он больше наблюдал. В его глазах отражалось недоумение,

смешанное с нарастающим восторгом.

— Ты нашла ошибки в счетах Гаспара, — заговорил он, когда подали первое блюдо. —

Нотариус подтвердил твои выкладки. Гаспар действительно завышал цены на фураж и

зерно почти на сорок процентов последние три года. Я... я не знаю, как тебя

благодарить.

— Мне не нужна благодарность, Герберт. Мне нужно, чтобы этот замок перестал быть

проходным двором для воров, — я посмотрела на него прямо. — Я хочу, чтобы ты

доверил мне управление домашними расходами официально.

— После того, что я увидел сегодня? — он усмехнулся, и в его взгляде

промелькнула искра, от которой у меня потеплело в животе. — Я готов

доверить тебе даже ключи от королевской казны, если ты обещаешь так же строго

смотреть на министров.

Мы рассмеялись. Это был первый раз, когда мы смеялись вместе. Не как муж и жена,

связанные долгом, а как союзники. В этот момент я почувствовала, как между нами

протягивается тонкая нить. Валерий никогда не смеялся вместе со мной над

делами. Он считал, что женщина должна только кивать и просить деньги на

новые сапоги. Герберт же видел во мне равную.

Но идиллия не могла длиться долго. Прошлые жизни всегда напоминают о себе в

самый неподходящий момент.

Дверь кухни открылась, и вошла Урсула. Она несла тяжелый серебряный поднос с

соусником. Её спина была неестественно прямой, а лицо — застывшей маской из

морщин и яда. Она ненавидела каждую секунду этого служения, и эта ненависть

вибрировала в воздухе.

Когда она проходила мимо меня, я заметила, как её глаза хищно сузились. Она

смотрела на мою руку, лежащую на столе — на молодую, безупречную кожу, на

изумрудное кольцо. В её взгляде было столько классовой ненависти, смешанной с

личной обидой, что я инстинктивно напряглась.

— Осторожнее, Урсула, — тихо сказала я.

Старуха даже не посмотрела на меня. Она занесла соусник над моим плечом, и в

этот момент её рука будто бы «случайно» дрогнула. Густой, ярко-красный

ягодный соус хлынул на мое плечо, заливая дорогую ткань платья, стекая по

рукаву на скатерть.

— Ох! — вскрикнула Беата, роняя вилку.
Герберт вскочил, его стул с грохотом отлетел назад. — Ты! Старая карга! — его голос прозвучал как раскат грома. — Ты что творишь?!

Урсула замерла, картинно прижав руки к груди. В её глазах не было раскаяния — там было торжество. Она хотела скандала. Она хотела, чтобы «Оливия» взорвалась, начала кричать, бить её по лицу — чтобы Герберт увидел прежнюю фурию.

— Простите, госпожа... — прохрипела она с издевкой. — Руки старые, не держат... Не велите казнить.

Берта и Марта застыли в ужасе. Весь замок знал, что за испорченное платье Оливия могла велеть выпороть служанку на конюшне.

Я чувствовала, как горячий соус пропитывает шелк, прилипает к коже. Красное пятно выглядело как рана. Гнев вспыхнул во мне — чистый, человеческий гнев на женщину, которая всю жизнь пыталась оставить на мне пятно.

Но я сделала вдох. Один. Второй. Психология конфликта, глава первая: не давай агрессору той реакции, которую он ждет.

— Герберт, сядь, пожалуйста, — сказала я тихо, но так отчетливо, что он замер. Я медленно повернула голову к Урсуле. Та всё еще стояла, ожидая удара.

— Урсула, — я заговорила тем самым ледяным, академическим тоном, которым ставила на место самых наглых студентов. — У вас, кажется, проблемы с мелкой моторикой.

Возможно, это возрастное, а возможно — обычная невнимательность.

Старуха моргнула. Она явно не ожидала такого начала.

— Марта, принеси влажную салфетку, — я продолжала смотреть Урсуле в глаза. — А вы, Урсула, возьмите поднос. И не уходите. Вы сейчас же, при мне, вытрите скатерть. Спокойно и аккуратно.

— Я? Вытирать?! — старуха подавилась возмущением. — Я не тряпка!

— Здесь вы — прислуга, которая совершила ошибку, — я не повышала голоса, но Марта, подавая мне салфетку, едва не выронила её от страха. — И вы её исправите. Это называется «ответственность за результат». Если вы не в состоянии удержать соусник, завтра вы будете чистить навоз в конюшнях. Там соусники не носят.

Герберт медленно опустился на стул. Он смотрел на меня с таким выражением лица,

словно я только что на его глазах превратила свинец в золото.
Урсула дрожала. Её лицо пошло багровыми пятнами. Она поняла: истерики не будет.

Её провокация провалилась. Вместо того чтобы выставить меня монстром, она сама выглядела неуклюжей и жалкой старухой.

— Вытирай, — бросил Герберт, и в его голосе была сталь.

Урсула, скрежеща зубами так, что было слышно за столом, взяла тряпку у Марты.

Она склонилась над скатертью, и я видела, как дрожат её руки. Это было её

личное унижение — чистить то, что она намеренно испачкала, под моим

взглядом.

— Тщательнее, Урсула. Пятно не должно остаться, — добавила я, промокая плечо

салфеткой. — После ужина зайдете к Берте, она выдаст вам чистящее средство

для шелка. Вы сами приведете это платье в порядок к завтрашнему утру. Это

будет вашим домашним заданием.

— Домашним... чем? — буркнула она, не поднимая головы.

— Заданием, Урсула. Свободны.

Когда она вышла, почти выбежала из столовой, в комнате повисла тишина. Дети

смотрели на меня с восторгом. Для них это был урок: можно решать проблемы

без крика.

Герберт протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. — Ты невероятная

женщина, Оливия, — сказал он, и его голос был хриплым от эмотивности. —

Любая другая на твоём месте уже велела бы её высечь. А ты... ты просто

заставила её работать. Где ты этому научилась?

— Жизнь — суровая школа, Герберт, — я улыбнулась ему, чувствуя, как красное

пятно на платье перестает меня волновать. — Главное — не давать дурным

учителям сломать твой характер.

— Знаешь, — он сжал мою руку сильнее, — я ведь действительно хотел развода. Я

думал, что в тебе нет ничего, кроме капризов. Но сейчас я боюсь только

одного.

— Чего же?

— Что я завтра проснусь, а ты снова станешь прежней.

Я посмотрела на него, на своих дочерей, на этот замок, который за девять дней

стал мне роднее, чем квартира, в которой я прожила четверть века.
— Этого не случится, Герберт. Та женщина... она ушла навсегда. Обещаю.
Ужин закончился в атмосфере странного, хрупкого счастья. Мы еще долго сидели у
камина, Герберт рассказывал детям о своих походах, а я слушала его голос,
понимая, что первая часть моей битвы выиграна. Я завоевала замок. Я
завоевала детей. И, кажется, я начала завоевывать сердце мужчины,
которого когда-то считала своим врагом.
Ночью, лежа в постели, я думала об Урсуле. Она не сдастся. Пятно на платье было
только началом. Она будет искать мой секрет. Но теперь я была готова.
Девятый день закончился. Блок адаптации был завершен. Завтра начиналась новая
глава моей жизни в Арденте. Глава, в которой мне предстояло не просто
выживать, а любить. И, честно говоря, это было самое сложное задание,
которое когда-либо давала мне судьба.
Я закрыла глаза, чувствуя, как на губах играет легкая улыбка. — Работа над
ошибками идет по плану, — прошептала я в темноту. — Главное — вовремя
менять соусники.

Глава 10

Десятый день в Арденте стал точкой невозврата. Если раньше я еще оглядывалась на дверь, ожидая, что она распахнется и я увижу белый коридор больницы, то теперь я окончательно приняла правила этой игры. Мой «класс» на сегодня состоял всего из двух учениц, но ответственность за них давила на плечи сильнее, чем подготовка к министерской проверке в прошлой жизни.

Детская комната в замке де Валлон была воплощением аристократического равнодушия. Высокие потолки, позолота на лепнине, тяжелые бархатные портьеры, собиравшие пыль десятилетиями, и... абсолютная пустота там, где должна была быть жизнь. Здесь не пахло детством — здесь пахло старым воском и пренебрежением. Превенная Оливия завалила дочерей дорогими куклами в шелках, к которым они боялись прикасаться, но не дала им ни капли тепла.

— Марта, — я позвала служанку, которая теперь заходила в комнату с выражением лица «что еще придумает эта странная женщина?». — Велите Маркусу принести сюда два больших таза с чистым речным песком и несколько мешков с фасолью и чечевицей. И найдите мне мастера Томаса, плотника.

— Песок? В детскую? — Марта округлила глаза, прижимая руки к переднику. — Госпожа маркиза, это же... грязь! Гретта всегда говорила, что детей нужно держать в чистоте и строгости, чтобы не портили ковры.

Я медленно повернула голову, и Марта тут же присела в реверансе. Мой взгляд «завуча на пенсии» действовал безотказно.

— Ковры можно вычистить, Марта. А забитый разум и испуганную душу — нет. И передайте Берте, чтобы выделила мне корзину самых гладких речных камней.

Исполняйте.

Когда служанка скрылась, я повернулась к Алисе и Беате. Они сидели на краю огромной, слишком высокой для них кровати, свесив ножки. В их глазах застыло ожидание. Они уже поняли, что «матушка» не будет кричать, но еще

не знали, чего ждать от этой новой реальности.

— Сегодня мы будем создавать свой мир, — сказала я, опускаясь на ковер прямо

перед ними. Шелк моего домашнего платья зашуршал, собираясь в складки. — Нам

не нужны куклы, которые умеют только хлопать глазами. Нам нужно то, что поможет

вашим пальчикам стать сильными, а мыслям — быстрыми.

Через час комната преобразилась. Мастер Томас, кряжистый мужик с мозолистыми

руками и запахом свежей стружки, стоял посреди детской, с недоумением

разглядывая мои наброски на грифельной доске.

— Вы хотите, чтобы я сделал... деревянные плашки разного размера? Просто гладкие

бруски? — он почесал затылок. — Госпожа, я могу вырезать для юных госпож

карету с лошадами, или домик со ставнями...

— Мне нужны именно бруски, Томас. И пирамидки. И кубики, которые вставляются

один в другой. И — самое главное — вот этот стол с бортиками, чтобы песок не

просыпался на пол. Сможете сделать это к вечеру?

— Сделаю, чего ж не сделать... Работа несложная, — пробасил плотник, забирая

доску. — Только странно это. Богатые дети обычно в золото играют, а не в

щепки.

— Щепки развивают воображение лучше, чем золото, Томас. Иди, я жду.

Когда плотник ушел, я приступила к первой части «методики Оливии». Мы рассыпали

фасоль в большие плоские лотки. Я показала девочкам, как перебирать зерна, как

чувствовать их гладкость, как строить из них узоры. Это была простейшая

сенсорика, но для детей, которые всю жизнь видели только запреты и

холодные стены, это стало откровением.

— Матушка, посмотрите! — Беата, обычно более тихая, первой решила запустить

руки в фасоль по локоть. — Она шуршит! Как дождь по крыше!

— Правильно, Беата. А теперь попробуй найти среди этих коричневых зерен три

белых, которые я туда спрятала.

Они увлеклись. Впервые в этой комнате зазвучал не испуганный шепот, а нормальный

детский смех — звонкий, неосознанный, чистый. Я сидела рядом, помогая им, и

чувствовала, как внутри меня затягивается какая-то старая рана.

В моей прошлой жизни Артем, мой сын, всегда был «идеальным проектом». Я учила его по лучшим пособиям, я контролировала каждый его шаг. Я дала ему всё, кроме, кажется, права на ошибку. И в итоге он выбрал отца — человека, который не требовал от него быть лучшим, а просто покупал его лояльность.

Здесь, с этими девочками, я исправляла свою главную педагогическую ошибку. Я не строила проект. Я просто была рядом.

— Матушка, а расскажите еще про тот странный язык? — Алиса подняла на меня глаза. — Где говорят «хэлло» и «сан»?

— Это язык древнего народа, который жил за великим морем, — я начала внедрять английский под видом «забытого наречия». — На нем говорят птицы, когда хотят скрыть свои тайны от людей. Слушайте: Look at the sun. The sun is yellow. Они повторяли за мной, забавно коверкая звуки, и в их маленьких головках уже

начинали выстраиваться новые нейронные связи. Для этого мира это было почти магией. Для меня — обычной работой над расширением кругозора.

К вечеру, когда мастер Томас принес первые шлифованные блоки, в комнату заглянул Герберт.

Он стоял в дверях, и свет от факелов в коридоре рисовал за его спиной длинную, внушительную тень. Он сменил камзол на простую белую рубашку с расстегнутым воротом, волосы были слегка растрепаны. Он выглядел не как суровый маркиз, а как человек, который вернулся домой и не узнал его.

В детской вовсю шла «стройка». Алиса возводила башню из блоков, а Беата сосредоточенно рисовала пальцем на песке в новом столе.

— Что это? — спросил он, проходя вглубь комнаты. Его голос звучал приглушенно, словно он боялся спугнуть этот момент.

— Это школа, Герберт, — я поднялась навстречу ему, поправляя выбившуюся прядь. —

Уроки без учебников и наказаний.

Он подошел к столу с песком, посмотрел на неумелый рисунок солнца, сделанный Беатой.

— Ты сама это придумала? — он перевел взгляд на меня. В его глазах было столько невысказанного, что у меня перехватило дыхание. Он больше не искал подвоха. Он

видел результат.

— Я видела такое... в своих снах, — уклончиво ответила я. — Детям нужно трогать

мир, чтобы понять его, Герберт. Они стали спокойнее, ты заметил?

— Я заметил, что в замке стало тише, — он сделал шаг ко мне. — И я заметил, что

Алиса сегодня не убежала, когда я проходил мимо по коридору. Она... она

посмотрела на меня и улыбнулась.

Его голос дрогнул. Суровый воин, мужчина, который командовал армиями, сейчас был

обезоружен простой детской улыбкой. Он протянул руку и коснулся края песочного

стола.

— Ты делаешь то, чего не смогла сделать ни одна нянька. Оливия, я...

В этот момент Беата, увлекшись постройкой своей башни, потеряла равновесие и

начала заваливаться набок. Я инстинктивно подхватила её, прижимая к себе.

Малышка обхватила меня за шею тонкими ручонками, прижалась мокрой от усердия

щекой к моему плечу.

— Мамочка... — прошептала она, засыпая прямо у меня на руках. — Мамочка, ты завтра

не уйдешь?

Слово «мамочка» ударило меня в самое сердце. Не «матушка», не «госпожа», а это

теплое, земное слово, которое я не слышала от Артема уже много лет. Я

почувствовала, как к горлу подкатил ком.

— Никогда, маленькая, — прошептала я, целуя её в висок. — Я теперь всегда буду

здесь.

Я подняла глаза и встретила взглядом с Гербертом. Он смотрел на нас так,

словно мы были самым ценным сокровищем в его казне. В его взгляде не было

похоти, только глубокое, мужское признание женщины, которая создала для него

дом.

— Ты удивительная, — тихо сказал он. — Я не знаю, как вернуть тебе долг за то,

что ты делаешь для моих дочерей.

— Просто верь мне, Герберт. Этого достаточно.

Он кивнул, и мне показалось, что в этот момент рухнули последние стены между

нами.

Я уложила Беату в постель, Алиса уже сопела рядом, обнимая деревянный кубик. Я

вышла в коридор, где меня ждал Герберт. Он не ушел. Он стоял у окна, глядя на ночную Арденту.

— Знаешь, — заговорил он, когда я подошла ближе, — я ведь действительно хотел отправить тебя в ссылку. Я подготовил бумаги. Думал, что детям будет лучше без такой матери.

— Я знаю.

— Теперь я сожгу эти бумаги завтра утром, — он повернулся ко мне, и его рука осторожно легла на мою талию. — Останься, Оливия. Не ради детей. Ради меня. Я посмотрела в его глаза и поняла, что сорокапятiletняя Юлия окончательно

проиграла этой новой жизни. Я не могла сопротивляться. Не хотела.

— Я никуда не собираюсь уходить, Герберт, — ответила я, и это была чистая правда.

Мы стояли в тишине ночного замка, и я чувствовала, как начинается новая глава.

Без интриг, без Гаспара, без теней прошлого. Только он, я и дети, которые наконец обрели мать.

Но где-то там, внизу, в темной кухне, Урсула-Ульяна терла котел и шептала проклятия, чувствуя, как её власть ускользает. Она видела, как дети

тянутся к Юлии. Она видела взгляд Герберта. И она знала, что её время

придет. Она не верила в «педагогику». Она верила только в силу.

День закончился теплом детской комнаты и обещанием Герберта. Но я

знала: работа над ошибками только начинается. И главный экзамен по этой

«педагогике чувств» мне еще только предстоит сдать.

Я легла в постель, вдыхая аромат лаванды и свежего дерева. Сегодня я впервые

заснула с улыбкой. Потому что сегодня я не просто выжила. Сегодня я стала

мамой. И это было важнее любой короны и любого титула.

Глава 11(Герберт)

(от лица Герберта)

Замок де Валлон всегда казался мне склепом, облицованным дорогим камнем. Здесь

пахло пылью, старой ненавистью и заброшенностью. Каждое утро, прежде чем

первые лучи солнца едва касались зубчатых стен, я спешил покинуть свои

покои, лишь бы не сталкиваться с визгливым голосом Оливии или ледяным

молчанием коридоров, где даже эхо, казалось, презирало своего хозяина.

Но сегодня всё было иначе. Я проснулся оттого, что в комнате пахло не

застоявшимся воском, а свежим морозным воздухом и — странно —

сушеными травами. Мой камердинер, старый неразговорчивый Жан, вносил

завтрак, и на его лице я впервые за годы увидел нечто, похожее на

спокойствие, а не на застывшую гримасу ожидания очередной выволочки.

— Маркиза велела подать вам травяной сбор, господин, — буркнул он, расставляя

приборы. — Сказала, что после вчерашней поездки вам нужно согреть кровь.

Я приподнялся на локтях, глядя на дымящуюся чашку. Оливия велела? Моя жена,

которая раньше не могла вспомнить, как зовут слуг, теперь распоряжается

моим рационом? Еще десять дней назад я бы швырнул эту чашку в стену,

подозревая подвох или яд. Но сегодня я просто сделал глоток. Вкусно.

Терпко и... заботливо.

Это слово «забота» плохо вязалось с образом женщины, на которой я имел несчастье

жениться семь лет назад. Та Оливия была как яркая, ядовитая тропическая птица —

красивая, шумная и абсолютно бесполезная. Она была моим наказанием за грехи

юности, моим личным адом, от которого я планировал избавиться, как только

закончатся осенние дожди.

Я встал, быстро оделся, отказавшись от помощи Жана. Мне нужно было увидеть это

своими глазами. Снова.

Коридоры замка больше не напоминали лабиринты минотавра. Слуги не ныряли в ниши

при моем приближении, а деловито сновали мимо, и — клянусь своей шпагой — я

слышал, как кто-то из них насвистывал простенький мотив. Чистота стала почти вызывающей: даже на доспехах моих предков в галерее больше не было ни пылинки. Я направился к детскому крылу. Это была территория, которую я привык обходить стороной. Боль за дочерей, которых я не знал, как защитить от собственной матери, жгла сильнее, чем старые раны от вражеских клинков. Но теперь меня тянуло туда, как магнитом. Я остановился у приоткрытой двери детской. Тяжелый дуб не скрипнул — петли были свежесмазаны. Она была там. Оливия сидела прямо на ковре, подогнув под себя ноги. Её роскошное платье цвета ночного неба смялось, полы касались ворса, но её это совершенно не заботило. На её коленях лежала Алиса, сосредоточенно перебирая какие-то деревянные плашки, а Беата сидела напротив, за тем самым странным столом с песком, который вчера соорудил Томас. — Red color, — негромко произнесла Оливия, указывая на красный брусок. — Repeat, Alice. Red. — Ред, — старательно выдохнула дочь, и на её личике отразилось такое напряжение, словно она штурмовала крепость. — Good girl, — Оливия улыбнулась, и эта улыбка... она не была той кокетливой гримасой, которую она обычно адресовала мне или своим друзьям вроде Себастьяна. Это был свет. Теплый, материнский, почти божественный. Я замер, боясь дышать. Оливия гладила Алису по голове, и её пальцы двигались так нежно, так уверенно. В моей памяти всплыла другая картина: год назад Беата случайно пролила молоко на платье матери, и Оливия кричала так, что со стен осыпалась штукатурка, обещая отправить «этих щенков» на псарню. Что произошло? Разве может человек измениться настолько глубоко? Я видел тысячи смертей, видел, как люди сходили с ума от горя или жажды власти, но я никогда не видел, чтобы из пустой, эгоистичной куклы вылупилась... женщина. Оливия подняла глаза и увидела меня. Она не вздрогнула, не вскрикнула. Она

просто кивнула, как равному, и в её взгляде я прочитал спокойное

достоинство.

— Вы рано сегодня, Герберт, — сказала она. Её голос больше не был высоким и

капризным. В нем появилась глубина, бархатистость, которую я начал ловить

себя на желании слушать вечно. — Хотите присоединиться к нашему уроку

«древнего наречия»?

Я прочистил горло, чувствуя себя мальчишкой, застигнутым за подглядыванием. —

Древнее наречие? Откуда ты его знаешь, Оливия? Моя тетка, леди Бертран,

всегда говорила, что твоё образование ограничивалось умением вышивать

крестиком и танцевать вольту.

Она легко поднялась с ковра. Движения были грациозными, лишёнными прежней

манерности. — Образование — это не то, что нам дают, Герберт. Это то, что

мы берем сами. В библиотеке вашего деда много интересных свитков. Жаль, что они

годами покрывались пылью.

Она подошла ближе, и я невольно сделал шаг назад, сбитый с толку ароматом,

исходившим от неё. Больше не было того удушливого, тяжелого мускуса,

который заставлял меня чихать. Теперь от неё пахло чистотой, лавандой и

немного — свежими чернилами.

— Ты... ты действительно учишь их? — я указал на стол с песком.

— Я учу их мыслить, — поправила она. — Песок — это просто инструмент. Посмотри

на Беату. Она рисует солнце. Раньше она боялась взять в руки уголь, потому что

ей говорили, что леди не должны пачкать пальцы. Но леди должна понимать, как

устроен мир, иначе она станет рабой чужих мнений.

Я посмотрел на младшую дочь. Беата действительно рисовала круги, и её пальчики

были в песке, но лицо светилось восторгом. Она не пряталась под кровать при

моем появлении. Она просто помахала мне рукой.

— Папа! — крикнула она. — Посмотри, я сделала «сол-нце»!

Сердце кольнуло. Впервые за годы это слово не было наполнено страхом.

— Красиво, Беата, — выдавил я, чувствуя, как внутри меня рушится последняя стена

льда.

Оливия подошла совсем близко. Она была ниже меня на голову, но в этот момент мне казалось, что она возвышается над всем этим замком.

— Герберт, — она положила руку мне на рукав. Легкое прикосновение, но я

почувствовал его сквозь плотное сукно камзола. — Я знаю, что ты всё еще

ждешь подвоха. Ждешь, когда я снова стану той женщиной, которую ты презирал.

— Не буду лгать, Оливия. Я не верю в чудеса.

— И правильно делаешь, — она горько усмехнулась. — Чудес не бывает. Бывают

только осознанные решения. Я решила, что больше не хочу быть куклой в

твоем доме. Я хочу быть матерью твоим детям и хозяйкой этих земель. Если ты

дашь мне шанс...

— Я уже дал его тебе, — перебил я её. — Я сожгу бумаги о разводе. Но скажи мне...

Кто научил тебя так говорить? Кто научил тебя видеть воровство Гаспара там, где

я видел лишь досадные убытки?

Оливия отвела взгляд на окно, где за стеклом бушевал осенний ветер. — Иногда,

Герберт, чтобы прозреть, нужно очень больно упасть. Считай, что я упала. И

когда открыла глаза, мир стал пугающе ясным.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я увидел не Оливию. Я увидел душу, которая

была намного старше и мудрее этого красивого лица. Это пугало и притягивало

одновременно. Мне хотелось схватить её за плечи и тряхнуть, требуя

признаться, кто она на самом деле. Но я знал, что не сделаю этого.

Потому что эта «новая» Оливия была тем единственным, что давало мне

надежду.

— Пойдем в сад? — вдруг предложила она. — Девочкам нужно проветриться, а мне бы

хотелось обсудить с тобой ремонт в западном крыле. Там течет крыша, и если мы

не починим её до снегов, библиотека погибнет.

— Ты теперь еще и архитектор? — я не смог сдержать иронии, но в ней больше не

было яда.

— Я просто умею считать, Герберт. Ремонт крыши сейчас стоит пятьдесят золотых.

Восстановление книг — бесценно.

Мы вышли в сад. Воздух был резким, бодрящим. Дети бегали по пожелтевшей траве, а

мы шли рядом, соблюдая приличную дистанцию, но я постоянно ловил себя на том,

что хочу сократить её.

Я наблюдал за ней со стороны. Как она поправляет плащ на Алисе, как спокойно

разговаривает с садовником, который раньше дрожал при её приближении. Она

была... правильной. Как хорошо отлаженный механизм, как идеально

сбалансированный клинок.

Но мой покой был недолгим.

У живой изгороди, там, где начинались кухонные постройки, мы столкнулись с той

самой старухой, Урсулой. Она несла корзину с грязным бельем. Увидев нас, она

замерла, и в её глазах вспыхнул такой огонь ненависти, что я невольно положил

руку на эфес шпаги.

Она не кланялась. Она смотрела на Оливию так, словно знала о ней какую-то

постыдную тайну.

— Госпожа маркиза, — прохрипела она, и это слово прозвучало как ругательство. —

Снова инспектируете свои владения? Не боитесь испачкать туфельки в нашей грязи?

Я шагнул вперед, чтобы поставить наглухо прислугу на место, но Оливия удержала

меня. Её ладонь легла мне на грудь, и я замер.

— Идите своей дорогой, Урсула, — спокойно сказала жена. — Ваше белье само себя

не выстирает. И помните, что я сказала вчера: чистота — это не только

отсутствие грязи на ткани, но и отсутствие яда в мыслях.

Старуха сплюнула под ноги — прямо на подол платья Оливии — и похромала прочь,

бормоча проклятия.

— Почему ты это терпишь? — я повернулся к жене, чувствуя, как во мне закипает

ярость. — Один мой жест, и её высекут на конюшне. Или вышвырнут за ворота.

Оливия посмотрела вслед старухе. В её взгляде была странная смесь жалости и...

узнавания?

— Наказание без осознания вины — это просто насилие, Герберт, — тихо произнесла

она. — Урсула несчастна. Она потеряла всё, к чему привыкла. Власть, статус,

уважение. Сейчас она кусается, потому что это единственный способ для неё

чувствовать себя живой.

— Ты слишком милосердна к ней.

— Нет. Я просто практична. На конюшне она станет мученицей. На кухне она —

просто ворчливая старуха, которая, кстати, очень эффективно следит за тем,

чтобы поварята не воровали масло. Дай ей время.

Я смотрел на свою жену и понимал: я не знаю эту женщину. Совсем. Но то, что я

видел, пугало меня больше, чем любая битва. Потому что против врага у меня

есть меч. А против женщины, которая умнее, добрее и сильнее меня... у меня нет

ничего, кроме собственного сердца.

Вечером, когда замок погрузился в сумерки, я сидел в своем кабинете. Перед моим

взором всё еще стояла картина: Оливия, сидящая на полу и обучающая детей

«древнему языку».

«Red»... «Sun»...

Я взял перо и чистый лист пергамента. Вместо того чтобы писать отчет королю, я

непроизвольно нарисовал на полях профиль женщины с мудрыми глазами.

— Кто ты? — прошептал я в пустоту кабинета.

Дверь тихо открылась. Это был Себастьян. Мой сосед, человек, которого я всегда

подозревал в связи с моей женой. Он вошел без приглашения, как привык делать в

этом доме.

— Герберт, друг мой! — он развалился в кресле, не дожидаясь приглашения. —

Слышал, в твоём гнезде происходят чудеса? Твоя куколка-жена вдруг стала

святой затворницей? Весь округ шепчется, что маркиза Оливия сошла с ума и

теперь самолично учит детей грамоте.

Я медленно поднял глаза. Раньше его шутки казались мне просто досадным шумом.

Сегодня они вызвали у меня желание перерезать ему горло.

— Себастьян, — мой голос был тихим, но в нем зазвенела сталь. — Если ты еще раз

назовешь мою жену «куколкой», ты покинешь этот замок через окно. И не на первом

этаже.

Себастьян осекся. Его масляная улыбка померкла. — Полно тебе, Герберт! Мы же

знаем, какая она...

— Мы знали, какая она была, — я встал, возвышаясь над ним. — Сейчас перед тобой

маркиза де Валлон. И я советую тебе проявлять к ней подобающее уважение. Иначе

наша дружба закончится гораздо быстрее, чем ты успеешь допить это вино.
Когда Себастьян, бормоча извинения, покинул кабинет, я подошел к окну. В

западном крыле, в окнах детской, всё еще горел свет. Она была там. Моя

жена. Моя тайна. Моё пламя.

Я знал, что завтра будет новый день. Новые проблемы, новые интриги. Но сейчас,

глядя на этот далекий свет, я впервые за семь лет почувствовал, что я — дома.

И этот дом пах не пылью. Он пах надеждой.

Глава 12

Двенадцатый день моего пребывания в этом мире начался с запаха подгоревшего воска и металлического привкуса ответственности. В прошлой жизни я всегда считала, что дисциплина — это скелет, на котором держится мясо любого учебного процесса. В замке де Валлон дисциплина была дряблой, как вчерашний пудинг, и мне приходилось заново выстраивать каждый позвонок. Я сидела в малой столовой, заполняя реестр столового серебра. После Гаспара в описях черт сломал бы ногу, а для меня это был привычный «педсовет» с самой собой: если ты не знаешь, сколько у тебя ложек, не удивляйся, что слуги начинают считать их своими.

— Матушка, а почему этот нож такой острый? — Беата осторожно потянулась к десертному прибору.

— Потому что инструмент должен выполнять свою задачу, милая. Острый нож режет хлеб, а тупой — только рвет его и злит повара, — я мягко отвела её руку. —

Ступай к Алисе, она ждет тебя в саду. И помни: мы не бегаем по лестницам, мы спускаемся с достоинством.

Дети ушли, шурша платьицами, а я вернулась к ведомости. В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату, стараясь быть незаметной, проскользнула Урсула. Моя бывшая свекровь, Ульяна Мироновна, теперь выглядела как карикатура на саму себя. Серое платье из грубого льна, которое кололо ей кожу (я знала, как она любит шелк), чепец, сбившийся набок, и этот вечно поджатый рот, выражавший вселенскую обиду. Она пришла забрать грязную посуду, но я видела, как её взгляд хищно прошелся по разложенному на столе серебру.

Для чиновницы её ранга власть всегда ассоциировалась с атрибутами. На Земле это были чешский хрусталь и кожаные папки. Здесь — тяжелые фамильные ложки с гербом Валлонов.

Я сделала вид, что увлечена записями, но боковым зрением наблюдала. Урсула подошла к столу. Её пальцы, покрасневшие от ледяной воды и щелока, мелко

дрожали. Она быстро, воровато оглянул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.